

[в оркестре Смирнова]

ТРУДЫ КОММИССИИ
ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ОТДѢЛА МУЗЕЯ ПРИКЛАДНЫХЪ ЗНАНІЙ
ПО СОСТАВЛЕНІЮ ЧТЕНІЙ ДЛЯ НАРОДА.

[Иванъ Писаревъ, А. И. Самъ 2. изъ 1000 экз.]

О

С М У Т Н О М Ъ
ВРЕМЕНИ

НА

РУСИ.

ЧТЕНІЕ ДЛЯ НАРОДА
И. П. Рогова.

ПРОИЗНЕСЕНО
ВЪ АУДИТОРИИ СОЛЯНАГО ГОРОДКА.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1875.

[Ланген. 422. Витриал]

R310
56a

Дозволено цензурою. С. Петербургъ, 17 апрѣля 1875 г.

Типографія О. М. Меркулова, Графскій пер., д. № 19.

Въ безсрочныхъ. Хотя и служу въ солдатахъ, да солдацкаго во мнѣ мало. Солдатъ, первое дѣло, мужика не любить: „Ты — што? мужикъ, необразованность!“ Завсегда такъ къ своему брату расположенъ.... Я, братцы, не изъ таковыхъ! И изъ меня, правда, мужицкое выколачиваютъ ихъ благородія, да напрасно: души-то моей какъ есть не трогаютъ — все, значить, мужикомъ остаюсь, свою брата на начальство промѣнять не согласенъ...

А дивлюсь я, какъ это они изъ нашего брата солдатъ выкраиваютъ, душу-то изъ него всю выпускаютъ! Идетъ это парень въ рекруты, смотришь — ревмя реветъ: дороже, значить, своей деревни, почитай, ничего не видитъ... А поживетъ въ солдатахъ лѣтъ пять — глядишь, на деревню и смотрѣть не хочетъ, и родныхъ и знакомыхъ забудетъ, собой величается, а мужика въ грязь топчетъ: необразованность, дескать!...

Какъ начальство изъ насъ эдакихъ умниковъ выдѣлываетъ — это я вамъ расскажу: повремените малость! А теперь поведу рѣчь о другомъ...

Въ безсрочные я попалъ въ позапрошломъ годѣ. Пришелъ я въ свою деревню (допрежъ, какъ въ солдаты забрили, не бывалъ дома), — вѣстимо дѣло, перемѣнъ много нашелъ: кого въ живыхъ не засталъ, а кто при мнѣ безъ портокъ бѣгалъ, — теперь парнемъ настоящимъ выглядываетъ; дома-же опять — кои на дрова просятся, а кои еще только жить начинаютъ.... Только одно осталось по старому: уходилъ — мужики бѣдно жили, домой вернулся — та-же бѣдность!... Сталъ и я со дня на день перебиваться....

На мое счастье, я съ измалѣтства грамотѣ наученъ; всегда она мнѣ любя была, да и теперь пригодилась: мужики наши этой зимой стали отдавать ко мнѣ дѣтей на выучку, — ну, и платять, кто чѣмъ можетъ: кто — мукой, кто — крошечкомъ, а кто картошку дастъ; иной разъ и копейка выпадетъ какая-другая.... А не то, подметки подъ сапоги кому подкинешь.... У солдата, сами знаете, и шило брѣдетъ!... Такъ вотъ и перебиваюсь по малости....

Въ субботу это, подъ воскресенье, пошелъ я въ гости, верстъ за десять отъ своей деревни.... Есть у меня тамъ пріятель одинъ, Васильемъ Петровичемъ прозывается — мужикъ не безъ разума!.. Праздникъ... Торопиться было некуда... Обѣдаемъ эдакъ не спѣша, прохлаждаемся.... Разговорились....

— А что, — спрашиваю я его — много у васъ въ деревнѣ грамотныхъ?

Я до грамотныхъ-то больно охочъ.

— Не то, чтобъ много, а есть!... А одинъ такъ изъ всѣхъ повысунулся, — говоритъ мнѣ Василій Петровичъ....

— Что же, учень больно? — спрашиваю его.

— Да, человѣкъ знающій! говоритъ. Старосту-ли, говоритъ, учестъ надо-тъ, раскладку-ли сдѣлать — лучше его никто не сможетъ; совѣтъ-ли опять какой дастъ, всегда спасибо скажешь....

— А зовутъ-то его какъ?

— Максимомъ Иванычемъ прозывается...

— Ходить на заработки, али дома — безъ отлучки?

— Прежде, говоритъ, ходилъ въ Питеръ, по печной части, и не одно лѣто работалъ, а теперь вотъ, съ годъ времени, дома живетъ...

— Съ достаткомъ?

— Съ обыкновеннымъ: сегодня — безъ денегъ, а завтра — въ долгъ!...

— Какъ и всѣ мы грѣшные?

— Да!... Больно ужъ мы его любимъ.

— Человѣкъ душевный, значитъ?

— Охочъ больно мужикамъ правду выкладывать.

— Это на счетъ чего?

— Да вотъ: на счетъ житья крестьянскаго, податей, солдатства... Ономясь, какъ въ кабацѣ старосту при-
нялъ.... „Христопродавецъ!“ — говоритъ.

— Изъ за чего-же у нихъ вышло?

— Староста у насъ, вишь-ли, — начальству угодникъ; эдакъ любить стоять за него... и, боже ты мой! Одно слово, понатерся около ихней милости. Въ кабацѣ Максимъ Иванычъ... Насъ тамъ было не мало, съ охотой слушали.... Подати, вишь, онъ высчитывалъ: што-куды, по закону, по положенію!... Слушалъ, слушалъ староста да и говоритъ... Зазорно, вишь, ему стало за начальниковъ-то!...

„Ты, говоритъ, Максимъ Иванычъ, напрасно!“

А чего напрасно: такъ выходило, что мужикъ закономъ обойденъ, въ противность ему все пригнано....

„На начальство, говоритъ, тебѣ эдакимъ манеромъ не приходится.... Вотъ, говоритъ, писарь въ волости сказывалъ: подушныхъ не будетъ!.. По твоему, какъ? И это мужикамъ не въ пользу?“

— Эдакъ-чи! — Максимъ-то Иванычъ ему.

— „Ну, ужъ, говоритъ: посоветился-бы!“

— Да ты знаешь-ли, молъ, отчего начальство подушныя похѣрить хочетъ?

— „Знамо, въ облегченіе!“ говоритъ.

— Въ облегченіе!

„А нѣтъ?“

— Подушныя-то оно похѣрить, а сдеретъ другимъ манеромъ больше...

„Болтай пусто-то!“

Озмился.

— Что болтай! такъ сдеретъ, что мужикъ, по простотѣ, и не запримѣтитъ... Безъ „правъ“-то торгуетъ ли купецъ какой, нонче?

„Ну, нѣтъ!“

— Нѣтъ? такъ вотъ тебѣ! За „правъ“ онъ заплатитъ, а на товаръ раскинетъ — кто въ отвѣтъ?

„Какой товаръ!“

— Вино ежели?.. Ты знаешь-ли, по чемъ оно на заводѣ?

„Нѣтъ, не знаю.“

— Жаль! На заводѣ то оно гривенъ восемь обходится, а то и меньше, какъ гдѣ...

„Ну, что-жъ?“

— А заставить начальство заводчика акцизъ платить два восемь гривенъ съ ведра, да патентъ велитъ взять и складчику-то, и кабатчику... По чемъ купишь?

Молчитъ.

— Четыре двадцать покупаемъ, батюшка, ведро... А ежели, по мелочи, стаканчиками — и все семь рублейковъ, а то и восемь... Сколько тутъ отъ насъ въ казну придетъ?..

„Да ты это къ чему подводишь?“

— А ты, молъ, слушай! говоримъ мы ему.

— Ты съ эдакими податями не привынешъ обращеніе имѣть, ужъ я за тебя сочту! говоритъ ему Максимъ Иванычъ: въ казну-то это заплатишь три съ лишечкомъ, да заводчику съ кабатчикомъ перепадетъ

четыре рублика... Видишь, сельскій староста! — говорить онъ ему: добра-то на восемь гривенъ, а семь рублей — пожалуй! Вотъ „правъ“-то что дѣлаютъ!..

„И начальству надо-тъ...“

— Что и говорить!.. Вотъ ты себѣ и замѣть: вино, соль-ли берешь, ситець-ли... во всякомъ товарѣ... Какъ купилъ, значить, и начальству угодилъ, да и купца не обидѣлъ... А мужикъ-то этого не примѣчаетъ... Онъ... да и ты, сборщикъ: окромя, молъ, подушныхъ да поземельныхъ, да оброку али выкупнова — какіе-жъ, молъ, платежи? А по правдѣ-то, въ кабакѣ да на базарѣ въ 5 разъ больше отдастъ...

„Къ чему только подходы-то твои?“

— А вотъ къ чему!.. Начальство знаетъ мужицкую простоту... Оплошки и не даетъ!.. Запримѣтило оно, что нашъ братъ сердается: больно уже много, значить, тащатъ, плачется на свое горе! — Пстой, говоритъ: я тебя, дурака, утѣшу: подушныя выхѣрю, а на права да на патенты накинута — благо молъ, ты тутъ своихъ платежей не видишь!.. Больше, молъ, еще подушныхъ нагребутъ!

„Полно пусто-то болтать!“

— Не пусто, а правда настоящая!.. Да знаешь-ли што?

„Што?“

— На „правъ“, молъ, прикину — пріятность то мнѣ пріятностью, а богачамъ-то какая подмога?.. Удружу, значить, своимъ пріятелямъ!.. Теперь, молъ, права-то дешевы — всякая мелкота въ торговлю ударилась, а вздорожаютъ эти патенты да свидѣтельства, не бось — кто по бѣднѣ-то, самъ отвалится... дѣломъ-то и будутъ орудовать богачи одни...

Сказалъ это все, да и спрашиваетъ: — Что, староста, въ пользу аль нѣтъ начальство намъ законъ готовить? — Больно ужъ онъ на смѣхъ поднимать сталъ его... Слово за слово, и пошло... Ну, да увидалъ

онъ, что мы всё за Максима Иваныча, такъ и утекъ изъ кабака, не солоно хлѣбамши...

— Ну ужъ, какъ хочешь, а познакомъ.... говорю.

— Съ Максимъ Иванычемъ?..

— Знамо, не со старостой!

— Да вонъ онъ никакъ (высунулся Василій Петровичъ къ окошку) на улицѣ сидитъ... Ужъ, вѣрно, о чѣмъ рѣчь завелъ... Пойдемъ...

II

Одѣлись мы съ нимъ и пошли. Видимъ, сидитъ онъ на заваленкѣ у своа дома, а вокругъ него народу челоуѣкъ пять: четыре парня молодые, а одинъ (мужикъ, знатъ) постарше будетъ... Какъ завидѣлъ онъ насъ, пересталъ говорить... Опосля, парни сказывали: „При чужихъ людяхъ, онъ у насъ эдакихъ рѣчей, говорятъ, ни коли не ведетъ“... Парни-то обернулись, вижу знакомые: сапоги, значить, отдавали въ починку, такъ со мной снюхались...

— Говори! — говорятъ: ничего! Это нашъ, мы его знаемъ....

Поздоровались мы съ нимъ.

— Не помѣшалъ ли я вамъ бесѣду вести? спрашиваю парней.

Онъ это усмѣхнулся, да и говорить:

— Ничего, мы и при тебѣ поведемъ.... Коли не глухъ, слушать, чай, станешь?

— На счетъ этого — безъ сумлѣнія.... А о чѣмъ рѣчь шла?

— Это, Максимъ Иванычъ, тотъ солдатъ, что мы тебѣ, помнишь, сказывали... — говорятъ ему парни.

Ишь, зубоскалы, про меня сказали, а про него мнѣ — ни гу-гу! подумалъ я.

— А, а!... На счетъ налоговъ говорили, сказалъ Максимъ Иванычъ... Да ты грамотный?

— Грамотный.

— Такъ вотъ, на досугѣ когда, почитай книжку, „Хитрая Механика“ прозывается: тамъ это все, какъ на счетахъ выложено....

— А книжечку-то раздобыть?

— У насъ ихъ не занимать стать! — говорятъ парни....

— Вотъ я и сказываю, зачалъ Максимъ Иванычъ: истратитъ начальство много, ни себя, ни чиновниковъ не забудетъ, поповъ почтитъ, а выгоды намъ отъ этихъ расходовъ, хошь бы што.... Къ примѣру, таперича, возьмемъ вашего брата — солдатъ....

Ну, думаю, какъ разъ попалъ: объ насъ дѣло пойдетъ... Слушаю.

— Что въ нихъ, въ солдатахъ-то, для нашего брата?

— Ну, этого ты, Максимъ Иванычъ, не говори.... — вставилъ мужикъ, что по старше...

— А што?

— Безъ солдатъ, братъ, нельзя: сейчасъ непріятель, что ты тогда станешь дѣлать?

— Непріятелевъ-то этихъ нѣтъ, другъ, — вотъ што!... Да и быть-бы не было, кабы не начальство.... Ты самъ разсуди!

Всталъ тутъ Максимъ Ивановичъ, а въ глазахъ такъ и свѣтится, такъ и свѣтится...

— Хошь мы, къ примѣру: живемъ въ своей землѣ, всякъ своимъ дѣломъ занимаемся, потому, наровимъ, какъ бы получше свой вѣкъ скоротать, а воевать — намъ и на умъ не приходитъ....

— Войну эту и солдатъ-то не больно любить, — сказалъ я.

— Кто ее любить, знамо никому не мила!

— Выдумка-то эта не мужицкая, потому отъ сол-

датства мужикъ на утѣкъ идетъ, послѣднее отдастъ, чтобъ дома остаться....

— Что и говорить!

— Другой по-міру поидеть, Максимъ Ивановичъ, двухъ сыновей, бывало, въ кабалу отдастъ, чтобъ кви-танцу поставить...

— Вотъ видишь-ли?... А теперича, по новому, Николай Алексѣичъ (такъ, значитъ, того мужика зовутъ).... Вонъ.... въ газетахъ писали... въ Одессѣ воровать пускаются... По закону-то, можетъ слышалъ: былъ ежели подъ судомъ — не берутъ въ солдаты.... „Лучше, думаютъ, воришками прослышемъ на весь вѣкъ, ничѣмъ ежели—въ службу!“ Стало, не сладко!.. А въ пѣснѣ-то поется:

Пальцы рѣжутъ, зубы рвутъ —

Въ службу царскую нейдутъ....

И сказывать-то мнѣ много не приходится, самъ знаешь: сколько слезъ да горя въ деревнѣ, какъ кого забрѣютъ.... Значить, охоты-то драться не видать. У насъ ея нѣту, и въ другихъ странахъ, кого ни возьми — француза, нѣмца, англичанина.... у всѣхъ все одно... Откуда-жъ непріятелю-то взяться?... Ни французъ, ни нѣмецъ, никто и не думаетъ трогать нашего брата, русскаго!...

— Правда, правда, Максимъ Ивановичъ! — не утерпѣлъ я...

— Да отчего-жъ война-то заводится? — спросилъ Николай Алексѣичъ.

— Только не отъ рабочаго....

— А отъ начальства?

— Отъ начальства, баръ, толстопузыхъ.... Кто на нашъ счетъ кормится, палаты себѣ строить, да брюха разглаживаетъ... отъ нихъ-то вотъ и непріятель родится. Либо, смотришь, поссорится одно начальство съ другимъ какимъ, хошь-бы наше съ французскимъ — скажемъ

такъ.... Одно, значитъ, не уважить другого на счетъ торговли, али чего прочаго — тутъ до войны рукой подать!

— Война тутъ словно ни къ чему, — перебилъ Николай Алексѣичъ. — Изъ за чего тутъ, кажись, въ задоръ входить...

— По нашему-то такъ, а по ихнему — другое выходитъ...

— Чудно! Изъ за торговли — на вотъ: взялъ да войну объявилъ... Съ нашимъ разумомъ и въ толкъ-то это не скоро возьмешь....

— Вотъ я тебѣ растолкую, какъ это у нихъ выходитъ, — сказалъ Максимъ Ивановичъ... Къ примѣру, таперича — красный товаръ! У насъ на фабрикахъ работаютъ и ситецъ, и платки разные, да наши-то, вишь, супротивъ заграничныхъ — не пара.... Самъ знаешь, хошь бы нашъ платокъ, али французскій? Французскій — за первый сортъ, баба къ празднику прячетъ, а нашъ завсегда таскается.... Кабы теперича матеріи эти были дешевы, наши купцы клади зубы на полку!

— Это такъ: всякъ наровитъ купить што по-лучше....

— Вотъ они и просятъ начальство наложить поданъ на красный товаръ, на чужой-отъ: хочешь, выходить, французъ либо нѣмецъ у насъ свой товаръ спущать, заплати пошлину... Знамо, тѣмъ это не по губѣ... Потому безъ пошлины-то товаръ дешевле, съ рукъ идетъ ходко; ну, а заплатишь пошлину, надо ее съ покупателя вернуть... А покупатель — мужикъ: безъ сумѣнія, тутъ на мель сядешь съ дорогимъ ситцемъ да платками!.... И выйдетъ, что нашъ купецъ облизываться станетъ, а тотъ рычать примется, къ своему начальству поидеть: такъ и такъ, молъ, похлопочи, чтобъ эту самую пошлину пославили: торговать нельзя! Два-то начальства и сѣются... Одно пишетъ: „уважь!“;

другое отписываетъ: „Въ умѣ-ли ты, чтобъ на твоихъ купцовъ да своихъ я промѣняло“.... Браниться начнутъ, бары да купцы всякъ къ своему пристанутъ; газетами такъ распалятъ другъ дружку, что водой не разольешь... А тамъ, глядишь, по скорости и войну объявятъ... Примѣровъ такихъ не придумывать стать.... Былое дѣло!

— Скажи ты!

— А вотъ наши позапрошлый годъ съ Хивой воевали — изъ чего? — спросилъ одинъ парень.

— Тутъ ужъ причина другая, — сказалъ Максимъ Ивановичъ: Видишь-ли у кажиннаго начальства, братецъ ты мой, глаза поповскіе — завидующіе; озолоти его, все ему мало, все глотку пялить будетъ: нельзя-ли, молъ, какъ у сосѣда землицы пооттягать, да не простой, а съ народомъ, да этотъ народъ къ своему причертить, чтобъ, выходить, и податей и всего такого больше въ карманахъ побрякивало... Вотъ и въ Ериль-то нашемъ, что на верху сидитъ, давно зудъ гулялъ, и бары съ чиновниками тутъ не безъ грѣха: хотѣлось имъ свою землю приумножить... А за поживой — куда удариться?... Къ нѣмцамъ — не статья (нашъ-то Ерила больно дружить теперь съ нѣмцемъ)... Вотъ и надумали — въ Хиву.... Была за однимъ останова — какъ войну объявить?... Кушцы и поспѣли на выручку!... Ъздать они туда съ товарами, а народъ тамъ — голь, хуже нашего: знамо, отъ богатства-то пощипываютъ малость ихъ степенство! Вотъ наше начальство глаза выгнуло отъ радости... Отписало въ Хиву: „Такъ, молъ, и такъ: у васъ моихъ купцовъ пріятелей обижаютъ: уймите, не то — войной пойду!“ Тамошнее начальство пыталось было стращать рабочаго, смерти придавало, а карманы-то его щелушило по прежнему.... Значить, поправиться ему было не съ чего — онъ, извѣстно дѣло, и обихаживалъ нашихъ аршинниковъ, все по старому... — Такъ, такъ! Объ этомъ писано было....

— Чего другого, а тутъ — завсегда пишуть... Вотъ нашихъ солдатъ и погнали.... Много ихъ тамъ примерло и побили, въ Хивѣ опять сколько народу загублено...

— Хиву-то, вѣдь, взяли?

— Какъ-же! Ерила-то нашъ теперь ножками сучить отъ радости: „Каковъ, молъ, гусь? Сколько народу придушилъ и въ дорогѣ и въ Хивѣ — а побѣдилъ, въ газетахъ вездѣ прописано, иностранные хапуны поздравленія мнѣ шлютъ“. Радъ-радешенекъ: слюню распустилъ!.. Чиновники съ офицерами тоже въ радостяхъ: однимъ, значить, царская милость — новыя мѣста по службѣ, жалованье да грабежъ, что ихъ благородія доходцемъ прозывали; другіе припиливаютъ ордена, да денежки пересчитываютъ, что въ походѣ припрятали....

— Когда пайкомъ обходили нашего брата...

— Какъ есть!.. Одно слово, все въ радости, а мужикъ — плачь!..

— Вотъ ты и поди!.. Рабочій народъ, выходитъ, хоть бы нашъ, хоть ихъ — не при чемъ, а отдувайся... Неча сказать, причина знатная! — замѣтилъ Василій Петровичъ.

— Есть познатнѣе, эта — што!

— Ну!

— Еще какая! Вотъ какъ бываетъ... Увидитъ начальство, что народу не въ терпѣжъ стало отъ всѣхъ его порядковъ, и сталъ онъ то тамъ, то тутъ властямъ противиться... „Чего добраго, думаетъ начальство: какъ вездѣ переполохъ пойдетъ, громъ-отъ грянетъ — не усидишь! Дай возьму на хитрость: съ кѣмъ ни на есть войну затѣю... Народу — гдѣ: не разнюхать ему настоящаго! Завсегда, молъ, бывало: скажешь ему, что такъ и такъ, войной идутъ на насъ.... Онъ тебѣ сейчасъ въ задоръ взойдетъ, и тутъ дѣлай съ нимъ, что хочъ: солдатъ надо-тъ — даетъ; денегъ — опять даетъ; подводъ — даетъ. Ни въ чемъ нѣтъ отказу...

„Потому (съ дуру-то говорить) война — нельзя!“ А услышите: наши побѣду одержали, остеклѣетъ съ радости, словно и взаправду солдатъ за его нужды мужицкія кровь льетъ!

Пораскинетъ эдакъ умомъ начальство — глядь, отовсюду солдатъ ужъ требуютъ: война, стало быть... А тамъ, смотришь, и въ правду: народъ тише да тише. Злость къ начальству поостойдетъ, а, по времени, и скрутятъ его хуже прежняго.... Вотъ какъ мужиковъ обьегориваютъ!

— Оказія!

— У насъ этого бывать не бывало, а вотъ у французовъ — не одинъ разъ... Ну, какъ теперь, Николай Алексѣичъ — правда аль нѣтъ: кабы ни начальство, этихъ непріятелей — ищи да свищи!...

— Вижу, вижу!... Что и говорить.... Темный мы народъ... А вѣдь денегъ, поди, не мало идетъ...

— На солдатъ-то?

— Да!

— Кстати, не посчитать-ли, чтѣ они стоѣтъ?

— Посчитай, посчитай, дядя Максимъ! — заговорили парши.

— Съ моимъ удовольствіемъ, это у меня завсегда въ памяти!

У царя-то кажинный годъ раскладку дѣлаютъ, сколько куды надлежитъ денегъ выдать, и пропечатываютъ эту раскладку въ газетахъ.... Одно забываютъ къ ней приписать, чтобъ ей, значить, не больно вѣрили, потому — первое, для царя съ чиновниками законъ не писанъ, а второе — своя рука владыка!.. По этой-то раскладкѣ на одно сухопутное войско въ этотъ годъ 175.000.000 рубликовъ разойдется (на дѣлѣ — можетъ и больше растрясуть!), а на морское — 25.000.000.... На оба-то вмѣстѣ, значить, 200.000.000 и выкатить...

— Таковую грудку въ податяхъ возьмутъ?

— Въ податяхъ!... Ну, окромя того сами чтѣ пе-

реплатимъ въ кажинный наборъ: на отправу, наградныя и все такое, — клади, по 10 рублей на рекрута (выйдетъ болѣ), и то сколько набѣжитъ.... Ихъ лѣтось взяли полтораста тысячъ... — значить, полтора милліона вынь да положи.

— И кажинный годъ будетъ полтораста тысячъ?

— Въ этотъ годъ — ужъ пропечатано — 180.000 хотятъ... А дальше, можетъ, и болѣ... Царская милость на счетъ этого, что кулага тянется!.. Постои-ко, робята, я все на счетахъ прикину...

Максимъ Ивановичъ пошелъ въ избу за счетами...

— А что, братцы, вѣдь онъ все правду выкладываетъ, — сказалъ я парнямъ...

— Знамо, правду, а то што?

Максимъ Ивановичъ вернулся со счетами, сдуть съ нихъ пыль и опять сѣлъ на свое мѣсто...

— Глядите-же! На сухопутное войско соберутъ 175 милліоновъ; на морское — 25 милліоновъ; отъ насъ рекрутамъ — полтора милліона... Немножко?

На счетахъ вышло двѣсти одинъ милліонъ съ половиной.

— Это еще не все, потому коли деньги считать, такъ людей и подално надо-тъ въ счетъ поставить!... Коли я, къ примѣру, сына провожу въ солдаты, у меня работника, какъ не бывало, и въ хозяйствѣ убытокъ...

— Еще какой убытокъ-то!

— По старому-то выходило такъ: много выгоднѣе было квитанцу купить, ни чѣмъ ежели сына сдать... Бывало, отсчиталъ, у кого деньги нашлись, восемь сотъ и готово: сынъ при тебѣ на 15 лѣтъ остался... и смотришь, вся семья въ барышахъ: потому въ 15-то лѣтъ онъ домой-отъ, не 800 принесетъ, а заработаетъ болѣ...

— По чѣмъ на годъ-то это придетъ Максимъ Ивановичъ, какъ ежели... восемь сотъ считать?

— На годъ-то?

Максимъ Ивановичъ прикинулъ на счетахъ.

— На годъ-то 53 рубля съ небольшимъ выходить...
— Ну такъ! Знамо, болѣ выработаетъ...
— Вотъ я и сказываю: проводишь сына либо брата въ солдаты — горе-то горемъ, да и убытокъ забывать не статья! Вѣдь, ежели полтораста тысячъ рекрутъ прикинуть на деньги, по восьмисотъ рублей...
— Не продешевить-бы, Максимъ Ивановичъ, — сказалъ я.

— Чтожь, по господски положимъ!... Это выйдетъ (я считалъ)... 120,000,000!... Съ прежними то 321 миллионъ съ половиной...

— Ой, ой, ой!

— Ты думаешь — конецъ? Нѣтъ, братъ! Земство съ тебя сколько сдеретъ на воинскія присутствія, да на чиновниковъ разныхъ по рекрутству; опять сколько съ мужиковъ сойдетъ, какъ солдатъ на постой пригонять, сколько тутъ понесешь убытку? Кабы всѣ и эти рубли въ счетъ поставить — что тогда?... Ну да ужъ, робята, уважимъ: зачтемъ эти денежки, слезы да горе...

— За рекрутовъ, небось, что сходить, по новому?

— Да! Лѣтось, окромѣ мужиковъ, три тысячи съ сотней набрали...

— Купецкой да чиновной сволочи.... И сердце жъ у тебя, Максимъ Ивановичъ!

— Правда, въ солдаты изъ нихъ самая малость попала... И служба опять же имъ не мужицкая, а со льготами да поблажкой.... Ну, да... которымъ, вишь, идти не охота...

— Эхъ, доброта-то мужицкая!... Въ дорогое-жъ ты ихъ вгоняешь...

— Куды ни шло!... Дворянская шкура кормная, на нее не грѣхъ и прикинуть...

— Разѣ что?

— На, значить, не обижайся!

— Со скидкой этой и то вышло: триста двадцать одинъ миллионъ съ половиной.... Коли эти деньги отдать

серебромъ... Помните, ребята, по „Механикѣ“!... вытянетъ 409.912 пудовъ съ половиной, а коли гужомъ — въ Питеръ, по 20 пудовъ на лошадь, 20 съ половиной тысячъ подводъ припасай!.. Вѣдь это въ Питеръ безъ малаго сутки только обозъ вѣзжать будетъ.... Вотъ, Николай Алексѣичъ, чего стоятъ солдаты-то эти!

— Да!... смотри што!... И не въ пользу, а выгребаютъ у насъ.... Поразмысливши-то, что выходитъ.... Здорово, здорово!..

— Нѣтъ, Николай Алексѣичъ, а ты себѣ возьми въ толкъ, на что они окромѣ войны нужны.... Вотъ тутъ викини!.. НАШЕГО БРАТА ВЪ СТРАХѢ ДА СМІРЕНІИ ДЕРЖАТЬ—НИ БОЛЬШЕ, НИ МЕНЬШЕ!.. На то они по всѣмъ городамъ и разставлены...

Чуть въ какой деревнѣ мужики подати не платятъ, описывать коровъ да лошадей не даютъ ни становому, ни исправнику: „Не озорничай, молъ, ваше благородіе! Колъ со скотомъ-то я не могу податей сколотить, такъ безъ него-то — я что подѣлаю?... Смекни, молъ, чай ты учѣнымъ прозываешься!“...

Какъ заговорилъ эдакъ, значить, мужикъ — сейчасъ тебѣ одинъ резонъ:

— Бунтовать хотите?... Да знаете-ли вы, каналы... (А то—матернымъ словомъ приправить, почище нашего брата)... что я, молъ, могу?... Властямъ противиться! Солдатъ захотѣли?... Напущу на васъ роту — пущай объѣдаютъ, а чуть што (Значить, колъ мы ихъ — въ колъ!)... Порохъ-то, молъ, нюхали: каково пахнетъ?...

И безпремѣнно сдѣлается, вызоветъ изъ города солдатъ, коли мы не смиримся.

— Это такъ! — говоритъ Николай Алексѣичъ — у насъ это бывало. До пальбы дѣло не доходило — неча болтать, а собрали насъ вотъ эдакъ.... Помню, помню! Солдатами окружили... Глядимъ: ужъ и розги на готовѣ — съ верхомъ возъ привезли... „Давай зачинщиковъ!“ говорятъ... ну, какіе зачинщики — самъ

знаешь: всё одново... — Нѣту-ти ихъ у насъ!.. Сейчасъ полковникъ али кто, лѣшій его вѣдать.... Стали, вотъ какъ теперь на глазахъ: десятого и ну тузить... Били, били.... Мужики-то сдались тогда, не то, можетъ, и стрѣлять стали-бы...

— Ещебъ не стали: за тѣмъ пришли. Разъ мало такихъ случаевъ бывало...

А царскую волю какъ вводили, какая тогда подмога была отъ солдатъ — страсть!.. Помѣщикъ, бывало, наровить тебѣ всучить землю, что ни есть хуже; посредникъ тоже гнетъ на барскую руку, и закономъ-то тебѣ въ рыло тычетъ: „Видишь, говорить, что писано: коли пользовался раньше — въ надѣлъ!“ Вразумляешь, вразумляешь его.... Куда тебѣ, и слушать не угодно, знай свое деруть: „Подписывай уставную грамоту!“ А видятъ — слово не беретъ, начнутъ подводить, какъ-бы за солдатами послать... Во многихъ обществахъ уставныя-то грамоты такъ вводили... Вотъ теперь съ землей-отъ, что царской волей отмежевана, и плачетъ мужикъ, а помѣщикъ — вотъ она, воля-то!? — помѣщикъ, смотри, оброки получаетъ съ вольныхъ крестьянъ; и отъ оставшой-то земли не несетъ убытку, потому, значитъ, — въ кортомѣ она у того-же вольнаго.... Съ солдатами, ничего себѣ, волька вышла — вѣкъ ее не забудешь!...

Али опять, — продолжалъ Максимъ Ивановичъ — на фабрикѣ какой рабочіе надумаютъ прибавки у хозяина просить: „Работаемъ, выходитъ, много, а жалованьишко плѣвое: на ѣду не хватаетъ, коль ѣсть до сыта... Чего, молъ, зѣвать, робята, пойдемъ къ нашему. Такъ и такъ — набавляй, а не хошь — уйдемъ всё!“ Увидитъ онъ, что дѣло-то дрянъ — живой рукой къ начальству... — „Рабочіе, дескать, бунтуютъ: стачку устроили! Помогите!“ Сейчасъ это на фабрику, али заводъ — становой, не то исправникъ съ колокольцами нагрянетъ... Начнутъ орать: Какъ? что? Да вы разъ

не знаете, что закономъ стачки запрещены, за это, молъ, вашего брата-запѣвалу въ острогъ сажаютъ?.. Сейчасъ разойтись по мѣстамъ, за работу!

„Не пойдемъ, молъ, пусть набавляетъ!“

— А законъ забыли? Не знаете, што-ль...

Какъ, молъ, не знать, ваше благородіе, знаемъ: законъ не нами писанъ, на хозяйскую руку всё статьи выведены: они, молъ, съ вами одинъ пирожокъ кушаютъ, да нашихъ нуждъ не слушаютъ!“

Пошлютъ за солдатами... Увидятъ рабочіе, что дѣло дрянъ: инструмента хозяйскаго и того не захватили съ собою, а съ голыми руками не много наговоришь съ разбойниками... Помнутя, помнутя да и станутъ расходиться....

— И тутъ кого ни на есть постигаютъ малость — вставилъ я.

— Какъ-же! они тоже разсужденіе имѣютъ: провинились, значитъ, прощать не слѣдъ, напередки годится... Ишь, солдатъ-то!.. Видно, бывшее дѣло!.. Теперича видишь, Николай Алексѣичъ, для чего солдатиковъ поддерживаетъ нашъ царь батюшка?

— Да!... Съ ними всякую неправду поддержать легко....

— Пока мужикъ за умъ не взялся — добавь, Николай Алексѣичъ.

— А возьмется да ухнетъ, — не утерпѣлъ я — и нашего брата съ ружьями и пушкой къ чертямъ пошлетъ, какъ пить дастъ!... Да и въ эдакомъ дѣлѣ не всякъ изъ насъ за начальство пойдетъ, особливо теперь — молодежь все!.. Шарахнись только мужикъ — такъ и сомнетъ всѣхъ!

— Значитъ, за однимъ остонава, рабочій чтобъ за умъ взялся...

— И возмѣтся — помяните мое слово! къ тому дѣло идетъ! Правда, и начальство не дремлетъ; ну, да не выгорить: наша будетъ!

Вонъ оно теперь на школы ударилось; тоже не съ проста... Одначе, пойдемте-ка, робята, вонъ, въ тѣнь... На холодкѣ-то толковать поспособиѣе, сказалъ Максимъ Ивановичъ.

Пошли.

III

Въ холодкѣ-то кто легъ, кто сѣлъ... Одинъ парень и спрашиваетъ:

— Ты, — говоритъ — про училища сказалъ, Максимъ Ивановичъ, я такъ понимаю, что они ему, начальству-то, не съ руки, потому въ училище и мы залѣсь можемъ... Грамоту-то эту произошелъ да по книжкамъ (ты сказывалъ, переводу имъ не будетъ) что—къ чему, какъ — всю правду разнюхаемъ... Не то — робятъ заставимъ читать...

— Тамъ што будетъ, а все оно въ умѣ держать: чего такова не вышло бы, такъ и законы подводить, особливо теперь... Проучили, вишь, малость...

— Когда проучили, кто?

— Да, въ дѣшъ-ли, лѣтъ пять, а можетъ и всѣ шесть... Доподлинно не знаю, потому эти дѣла тайкомъ ведутся... Пожалуй, лѣтъ шесть есть... Стали это, братецъ ты мой, изъ баръ молодыхъ да изъ семинаровъ... Видишь-ли, въ понятіе они себѣ взяли, отчего вся эта неправда на землѣ, ну совѣсть опять, просто претить, значить, жить по господски не позволяетъ. Лучше, говорятъ, на каторгѣ жизнь кончить, ничѣмъ вмѣстѣ съ барамъ да чиновниками мужика обирать... Понимаешь, совѣсть настоящая не прожжоная!.. И стали они подумывать, какъ бы мужика изъ бѣдности вывести, чтобъ, значить, онъ себѣ въ толкъ взялъ: отчего его эта самая нужда обуяла, и какъ ему отъ нея, постылой, отбояриться... Стали изъ нихъ которые въ учителя идти, дѣтокъ на-

шихъ учить да насъ на разумъ наставлять, а которые — въ волостные писаря шли, потому думали: къ писарю всякій мужикъ идетъ — пачпортъ-ли вы править, али о какомъ дѣлѣ узнать, — народу, выходить около тебя завсегда будетъ, ты ему и станешь въ тихомолку правду сказывать: на счетъ баръ, начальства, что къ слову придетъ.

Начальство это пронюхало.

„Ишь, говоритъ, какія затѣи выдумали: чѣмъ бы, научившись, въ поны. али чиновники какіе — они въ писаря захотѣли. Меня, молъ, не проведешь!“ Отдало приказъ мировымъ посредникамъ, чтобъ, значить, такихъ ученыхъ людей не принимать, а гдѣ завелся такой, сичасъ его по шеѣ, — вонъ!

Вѣстимо, опосля того, такіе люди въ писаря не попадали, ну — а въ учителя пробирались... Къ тому-жъ, какъ на грѣхъ, земство ударилось школы заводить, учителей понадобилось много, а взять негдѣ — вотъ наши и стали проскакивать!

Увидало начальство, что и тутъ дѣло дрянъ, бары, вишь-ты, словно ободѣлые какіе, за училища схватились, учителей берутъ безъ разбору...

— А эти чего? съ дуру, али какъ?

— Всяко: кто съ дуру, а кто — чтобъ, значить, о немъ по уѣзду трезвонили. Ну, были и такіе, добра крестьянамъ хотѣли... Такихъ малость самая! Видить, говорю, начальство, не по немъ дѣла идутъ — пустилось на выдумки.

Перво на перво, говоритъ, своихъ учителей заведу. Настрою, значить, гдѣ по селамъ, а гдѣ по городамъ училищевъ — „семинарій“; наберу туда молодыхъ, лѣтъ по 18-ти, изъ дѣтей поповскихъ, али чиновничьихъ, а найдется подходящій, такъ и изъ крестьянъ можно... Охотниковъ, молъ, будетъ, потому даромъ кормить стану, и все такое, а опосля, какъ ихъ учителями подѣлаю, отъ солдатства да податей ослобоню... А учить ихъ,

моль, въ семинаріяхъ будутъ мои чиновники, такъ ихъ обточать — любо дорого посмотрѣть будетъ: ума-то въ нихъ, значитъ, будетъ въ мѣру, а главное страху да уваженія къ начальству много. Они и мужика, опосля того, съ малыхъ лѣтъ въ кротости произведутъ, и большой онъ выростетъ — въ страхѣ ходить станетъ... Съ такими, моль учителями крестьяне не скоро за умъ возьмутся: онъ, первое, и водиться съ мужикомъ не станетъ, а что ежели — такъ во всякомъ дѣлѣ начальство — въ голову, и мѣръ-то, моль, весь отъ меня съ барами произведетъ...

Настроило оно такихъ семинаріевъ, теперь штукъ 45 будетъ.

Земство тоже было пустилось свои семинаріи заводить...

— Правда аль нѣтъ: хвостъ, слышь, ему начальство поприжало?

— Правда! И не къ чему, братецъ ты мой! Ну, што ему тутъ супротивничать: въ земствѣ дѣла ведутъ баре; коли они задумали школу завести, неужто на себя руку положить? Вѣдь не станутъ готовить учителей, чтобъ мужикамъ правду сказывали?

— Ну, гдѣ стать...

— А вотъ поди!.. И какъ поприжало-то, съ обходомъ... Вонъ, къ примѣру, московское земство хотѣло устроить семинарію. Еще въ 1869 году это задумало. Управа написала уставъ, что вотъ-де будетъ все устроено такъ и такъ... Послало начальству, а начальство — прижимку, обратило назадъ да и говорить: „измѣни то, это, другое!“ Барамъ-што? Измѣнили, какъ надо-тъ было правительству. Опять послали, а начальство опять воротило: еще, моль, мѣняй то и то! Измѣнили — опять не въ угоду! И что-жъ ты думаешь? — этотъ разъ свои-то статьи и давай хѣрить... Тянуло, тянуло дѣло-то, а потомъ и пишетъ: „Устройте, говорить, семинарію не отъ себя, а выберите одного хозяина! „А

въ умѣ держитъ: одинъ-то, значитъ, не много наговорить со мной: какіе порядки захочу, такіе и заведу, а станетъ противиться — его къ чорту, и семинарію — къ лѣшему...

— Хитро придумало!

— Земство и тутъ согласилось. Приискало какого то нѣмца — онъ и сталъ одинъ орудовать...

— Ишь-ты!

— Вѣдь не утомонилось!..

— Ну?

— Дальше пошло... Правда, вольно, моль, я теперь... Ежели чуть пронюхаю, что у нѣмца рѣчи пошли, учителей наставляютъ: „Будете, значитъ, жить съ крестьянами, не морочьте народъ, стойте за него!“ Въ эдакомъ случаѣ — шепни, моль, кому надо-тъ, — и конецъ... Вольно-то я вольно это сдѣлать, а все же боязно.... Устрою лучше свою семинарію: надѣжнѣе!.. Ну, въ прошломъ годѣ и написало въ собраніе: „Коли хотите, пишетъ, дворяне московскіе, свою семинарію имѣть, въ губерніи, значитъ, московской — вотъ вамъ совѣтъ: уступите мнѣ вашу школу съ нѣмцемъ, 35.000 пожалуйте — все, какъ есть, устрою по своему“.

— Что-жъ баре-то?

— Уступили!

— Надоѣло канителиться?...

— Устали!... Шутка-ли, въ заправду, пять лѣтъ валандались съ семинаріей: то уставъ писали, то переписывали, нѣмца искали, 120.000 ухлопали.... Какъ тутъ не устать — устали бѣдные...

— Теперь начальство и кроитъ тамъ учителей, какихъ ему надо-тъ?

— Да.

— А много этихъ семинаріевъ?

— Отъ земства-то?

— Да.

— Малость самая: пятокъ съ небольшимъ.

— И тѣхъ, вишь, боится...

— Боится... По веснѣ, вотъ, въ Тверской губерніи забагрило...

— Теперича, значить, отъ казны пойдутъ учителя-то эти?

— Да, врази будутъ казенные.

— Не-што...

— А окромя семинаріевъ — что придумало!.. Самъ царь отищился... Ко всему, вишь, дворянству бумагу написалъ, слезно таково пишетъ: „Вѣрное ты, мое дворянство, — плачетъ: — встань на стражъ народной школы! Сталь, молъ, такой народъ ненадежный въ учителя идти, научить онъ мужиковъ и дѣтей непутому — чего добраго, мужикъ еще противъ насъ съ тобой поидетъ: чѣмъ мы тогда кормиться станемъ? Завсегда, говоритъ, мы съ тобой другъ объ другѣ думали: я о тебѣ, ты обо мнѣ — помоги, говоритъ, и на этотъ разъ!“

— Ай да царь!

— Какъ прочли баре эту бумагу — изъ всѣхъ губерніевъ писать принялись: „Спасибо, говорятъ, благодѣтель нашъ: надоумилъ ты насъ, оченно тебѣ благодарны... Будь, молъ, спокоенъ: ни одной шельмы въ училище не пропустимъ! Пиши, значить, законы такіе!“

Ну, видитъ царь, что бары какъ были, такъ и есть....

— По солдацки: рады стараться, Ваше императорское величество, мужиковъ надувать....

— Какъ есть!... И давай законы строчить.... Барамъ-то онъ писалъ въ 1873 годѣ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, а законы на счетъ училищевъ, лѣтомъ въ 1874 — выпустилъ.... И чего, чего въ этихъ законахъ не прописано...

— Слышалъ, — говорю я — безъ разрѣшенія нонѣ училища не заведешь?

— Да, да! говоритъ Максимъ Ивановичъ — у дьяч-

ковъ, али поповъ учи, сколько хошь, а школы не за-тѣвай: безъ дозволенія не дадутъ... Свою, если угодно, заведутъ... А чтобъ эдакъ... никакъ не можно!... Вонъ въ Дмитровскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи (въ книжкѣ я читалъ) завели крестьяне у себя школу; шло дѣло такъ себѣ, ни шатко, ни валко.... Вдругъ нелегкая нанесла исправника: значить, по своимъ дѣламъ завернулъ — подати съ мужиковъ выбивать... Видить: училище! „Съ разрѣшенія?“ — спрашиваетъ. — Безъ разрѣшенія! — говорятъ: да и для-че спрашиваться: хотимъ, молъ, своихъ дѣтей грамотѣ учить. Кто намъ запретъ положить можетъ? Худого въ этомъ ничего нѣтъ! — „Такъ — говоритъ — нельзя!“ — Это чего? спрашиваютъ мужики: безъ дозволенія своихъ дѣтей уму-разуму учить? — „Да!“ говоритъ. Такъ, братецъ ты мой, эту школу и закрыли, мужицкую школу-то; за мѣсто ея другую теперь, да мужики тутъ не при чемъ: только деньги даютъ!...

— Эхъ, чтобъ имъ пусто было!

— Кто-же за всѣмъ этимъ дѣломъ присматриваетъ? — спросилъ Василій Петровичъ.

— Много ихъ окаянныхъ приставлено! Въ губерніи — училищный совѣтъ, губернскимъ прозывается, въ уѣздѣ тоже училищный совѣтъ — уѣзднымъ зовется...

— Кто-жъ въ этихъ совѣтахъ, все, поди, изъ баръ больше?

— Всѣ тутъ есть! Въ губерніи: трое баръ, три чиновника да попъ; а въ уѣздѣ, окромя ихъ, еще одинъ отъ купцовъ, — одно слово, все наши пріятель...

— Сгрудились!

— А вонъ ономнясь былъ я въ селѣ, такъ сказывали: пріѣзжалъ въ правленіе предводитель съ чиновникомъ изъ города, на счетъ-же училищевъ.... Знать и предводитель тоже въ числѣ? — спросилъ Максима Ивановича одинъ парень.

— Какъ-же, какъ-же! Изъ трехъ-то баръ, что въ

совѣтахъ, предводитель главный, такъ председателемъ и зовется.... Это нарочно прилажено, чтобъ, выходить, главнымъ надсмотрщикомъ былъ тузъ изъ тузовъ....

— Козырный!

— А чиновникъ-отъ, что (ты сказываешь) съ предводителемъ былъ, инспекторомъ зовется... Послѣ предводителя это первый чинъ, сыщикъ за первый сортъ... На это мѣсто зря и не ставятъ... Вонъ въ одномъ уѣздѣ (запамятовалъ только гдѣ) исправникъ посаженъ, — какъ есть попалъ въ точку: инспекторъ будетъ исправный....

— Да...

— Ну, хорошо... — замѣтилъ Василій Петровичъ: разрѣшенія на училища даютъ, а еще-то какія дѣла у нихъ, по „положенью“?...

— Чтобъ все по закону, какъ предписано... Учитель, чтобъ какъ велѣно, такъ тутъ бы и было, въ строку чтобъ — ни, ни! Книжки опять: съ одобреніемъ, — можно, а безъ нихъ — ни подъ какимъ видомъ!...

— А это: какія книжки — можно, и на какія запретъ положить — это-то уставляютъ совѣты же сами?

— Нѣту: совѣты—надсмотрщики, сторожа! Книжки мѣтятъ другіе, и предписываютъ — чему дѣтей учить — тоже другіе.... Въ высшемъ начальствѣ, братецъ ты мой, это все обдѣлываютъ....

— Вотъ оно што!...

— Надо правду сказать: у нихъ все это хитро придумано, особливо на счетъ книжекъ.... Особые чиновники заведены, можетъ слыхалъ когда, „цензурой“ прозываются... Каждую книжку они обнюхиваютъ: нѣтъ ли чего противъ начальства, противъ баръ, поповъ.... Напиши къ примѣру книгу: „Что вотъ, молъ, у крестьянъ ни лѣсу, ни земли — все себѣ казна отмежевала, што это, выходитъ, не по правдѣ: надо-ть всю землю мужикамъ отдать, потому — кто пашетъ, того

пусть земля и будетъ...“ Напиши, попробуй — сейчасъ они эту книгу — хлопъ, на костеръ, а тебя — въ кутузку!

Али пропечатай, что вотъ-де на заводахъ рабочій отдыху не видитъ, съ чѣмъ придетъ, съ тѣмъ и уйдетъ, а хоняинъ — въ барышахъ, не знамо на што деньгу тратитъ... Такъ, молъ, тоже не по правдѣ: чья работа — того и доходъ!... Вотъ какой порядокъ надо-ть завести!...

А не то попробуй написать: „Какъ царь въ Самарскій голодъ, на смѣхъ, колѣнце выкинулъ: отпустилъ голоднымъ, въ долгъ — замѣтъ, безъ копѣйки 2 рубля на душу, а выколотилъ податей безъ двухъ пятиалтынныхъ 4 рубля съ души; всѣхъ молодыхъ въ солдаты забралъ, а чтобъ оставшой-отъ народъ не надумалъ противъ начальства идти — отсчиталъ 35.000 съ сотней на полицейскую команду... да чего? кружки велѣлъ поснимать, что были поставлены для сбора въ разныхъ мѣстахъ...“ Попробуй-ка, тисни это — такъ и узнаешь: на роду-ли написано правдѣ по Руси гулять!...

За всѣмъ этимъ цензура присматриваетъ, во всѣ глаза глядитъ... Одни книжки до печати обнюхиваетъ, другія — печатныя...

— Вотъ тутъ бы и смахнуть груду!

— Какъ отпечатаютъ-то?

— Да.

— Востеръ больно! Чай типографіи (заведенья-то гдѣ печатаютъ) тоже въ рукахъ начальства....

— Какъ?

— Да такъ. Безъ разрѣшенія купецъ тебѣ ни машины не продастъ, что печатаетъ, ни хозяинъ, чья типографія — книгъ не выпуститъ: напередъ разрѣшеніе пожалуй! А отдастъ ежели — штрафъ, а не то — острогъ!...

— Вотъ оно што!

— Я тебѣ сказываю — хитро прилажено...

А наши то книжки не только цензура смотреть, ихъ еще черезъ комитетъ особый пропускаютъ... Тутъ-то имъ кладутъ отмѣтку... Эта, молъ, хороша: обморочить мужика ловко, а эта не годится: ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ!... А потомъ и пишутъ совѣтамъ, сторожамъ-то своимъ: „рекомендуемъ“... Тѣ ужъ смекаютъ — что къ чему...

— Ай да механика!

— За первый сортъ!... Вотъ и въ училищахъ-то, что можно и что нельзя — тоже прописываютъ въ совѣты...

Не такъ давно, въ прошломъ годѣ, начальство печатало въ своей газетѣ: что надлежитъ дѣтямъ сказывать, — какъ жилъ русскій народъ въ старину... Смѣхота да и только!... Во всѣхъ дѣлахъ, вишь, мужикъ — дуракъ, а начальство... да что начальство?... Такъ вышло, что за него да баръ мужикъ завсегда долженъ бога молить!.. Само-то себя... Умора!.. и въ хвостъ и въ голову!... Такъ подвело, что безъ него... ха-ха-ха!.. ложись да помирай!.. Вѣдъ какъ съ малыхъ лѣтъ мужика хотятъ обморочить... Что, братецъ ты мой, оно не дѣлаетъ — все это намъ въ пользу — слышишь: солдатство, подати, все... ха-ха-ха!...

А теперъ..... вотъ въ іюнѣ мѣсяцѣ!... въ газетахъ было: велѣно во всѣхъ училищахъ завести, безпремѣнно чтобъ было... Первое, дѣти чтобъ пѣли, всякія фигуры на бумагѣ чертили, да по канату лазали..... Это нашимъ-то дѣтямъ!... А все къ чему? Чтобъ ума было въ мѣру... Отъ пѣнья, небось, не поумнѣешь, отъ канатовъ да шестовъ тоже разума не прибудеть... Эхъ, всѣ-то ихъ плутни да подвохи долго рассказывать... Вонъ архиреемъ предписано, а эти поповъ настрачиваютъ, чтобъ въ училищахъ дѣтей въ страхъ вести... „Говорите, молъ, вотъ богъ, а вотъ — царь!... Царь отъ кого? Отъ бога. Начальство? — отъ него-же; мы,

попы — дурья порода, кѣмъ поставлены? — богомъ!“ Переплести, значить, всѣхъ такъ съ богомъ, чтобъ ребенокъ не зналъ: ни гдѣ входъ, ни гдѣ — выходъ... Много у нихъ косоцветокъ-то этихъ!...

Одно слово, **УЧИЛИЩАМИ НАЧАЛЬСТВО ДУМАЕТЪ МУЖИКА ОБЪЕГОРИТЬ**... Такъ въ умѣ и держать: „научу, дескать, дѣтей въ школахъ меня почитать, закону не противиться, а будутъ грамотные да большіе... съ наукой то своей не далеко уйдутъ: по книжкамъ не доберутся, потому, что ни читай — все по моему, цензура-то моя на што?.... А потомъ 21 годъ — въ солдаты! Тамъ наука настоящая!“... Не такъ-ли, дядя? — обратился Максимъ Ивановичъ ко мнѣ.

— У насъ ловко обтачиваютъ... — сказалъ я... Парнямъ-то я сказывалъ...

— Сказывалъ, ну и ладно!..

— Знать, и училища нонѣ разводятъ къ тому? — спросилъ тутъ одинъ парень...

— Къ этому самому!... А чтобъ мужикъ охотнѣе посылалъ дѣтей учиться, чай знаешь, законъ вышелъ, по рекрутству: ежели проучился три года въ училищѣ, тебѣ, за мѣсто шести лѣтъ, четыре года солдатства: два скидки...

— Это въ какомъ ни на есть училищѣ?

— Нѣту! Тутъ тоже не безъ хитрости!.. Спервоначалу-то, какъ законъ вышелъ, было такъ, а теперь измѣнили..... Теперича хочешь скидку заслужить — произойди весь курсъ въ училищѣ да не просто, а гдѣ есть попъ и учитель.... Безъ попа-же, ежели — твое ученье ни къ чему!...

— Што такъ?

А вотъ што! Увидало начальство, что законъ новый вышелъ къ мѣсту: мужики, значить, заохотились школы заводить... Ну, и дальше: съ попомъ, говорить, заводите, а безъ попа—никакого дѣйствія не будетъ...

— Въ четыре-то руки, выходитъ, скорѣе глянecъ наведутъ?...

— Вотъ, вотъ!.. А ежели еще хочешь, чтобъ сыну три года сбавили — отдавай его къ самому начальству учиться...

— Это куды?

— А въ селѣ-то училище съ двумя учителями, дву-класснымъ прозывается....

— Это выше?

— Не выше, а полировка здѣсь чище: понимаешь?..

— То-то я въ правленіи дивился, зимой, какъ былъ у насъ инспекторъ что-ль, какъ ты говоришь.... уговаривать съ посредникомъ пріѣзжали: „Училище, говоритъ, это много лучше — трехъ лѣтъ въ солдатахъ.... и расходъ вамъ не великъ.... земли, говоритъ, двѣ десятины, да работой.... колъ не въ трудность!...“ Смекаю, смекаю, а тогда думалъ: что за притча?...

— Ну, вотъ!.. А теперича и эти училища въ цѣнѣ подняли. Вышло: тѣхъ дѣтей принимать, чьи отцы, значить, деньги даютъ на обзаведеніе и дальше.... А нѣтъ — три рублика въ годъ пожалуй... Все, видишь, въ расчетѣ держатъ: соблазнится мужикъ — лестно больно — три года скидки...

— А что, дядя Максимъ, я такъ смекаю: восьми-то надсмотрщиковъ на уѣздъ ровно бы мало... Гдѣ имъ — не углядѣть за всѣмъ! — замѣтилъ одинъ паренъ.

— Спасибо, что напомнилъ, — сказалъ Максимъ Иванычъ. — Запоматовалъ.... Объ этомъ начальство смекало, что восемь человекъ изъ совѣта, одни-то, прозѣваютъ какъ разъ, потому живутъ по городамъ, къ тому-же частить по училищамъ утяготительно ихъ благородію; надо-тъ, выходитъ, окромя ихъ, сторожей, чтобъ за всякое время учитель на виду былъ.... Вотъ въ „положеніи объ училищахъ“ и прописано (совсѣмъ изъ головы вонъ) — губернаторъ долженъ тоже наблюденіе имѣть... Знамо, не самъ: гдѣ-же безпокоить

ихъ превосходительство!.. А исправникъ, становой, волостной, старшина, тутъ какъ тутъ, пригнаны...

— И эти въ обходъ?

— Да. А потомъ — попы.... Тутъ ужъ учитель всегда подъ рукою, — совсѣмъ запоматовалъ...

— Да неужто, Максимъ Иванычъ, и долгогривыхъ почтили? — спросилъ тотъ-же паренъ.

— Онъ у насъ эту жеребачью породу не любитъ... во какъ! — шепнулъ мнѣ на ухо Василий Петровичъ.

— Да, какъ-же не почтить, братецъ ты мой? Дѣло идетъ, вишь, чтобъ, мужикъ глупѣлъ: кому-же ближе?

— Долгогривымъ-то? Да гдѣ имъ, Максимъ Иванычъ! Попамъ? Попъ! Ужъ одно слово — никакого почтенія...

— Мало што.... Опять же въ какихъ мѣстахъ.... ЗАВСЕГДА ПОПЫ МУЖИКА МОРОЧИЛИ, ДА И ВПРЕДѢ БУДУТЪ.... Пойди-ка въ церковь, да посчитай молитвы: за кого молятся? Все царь да царь, синодъ, архирей, христіюбивое воинство... Вонъ причастіе несутъ, всякъ мужикъ наклонился, духъ притаилъ.... а попъ: „Благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго, великаго государя нашего, императора... супругу тоже благочестивѣйшую...“ Мелеть, мелеть... Дьячекъ — ужъ на што?.... и тотъ, смотришь, вылезетъ съ „Апостоломъ“ да орѣтъ: „Нѣсть власти аще отъ Бога“, „Раби! повинуйтеся господамъ своимъ!...“ Причетникъ!.... цѣна-то ему у начальства грошъ.... и тотъ, говорю, выкрикиваетъ: „Всякъ противляся власти, господу Богу противляется...“ А ты стоишь, духомъ умилился, крестись!.. Давно они мужика морочатъ... ОТЪ НИХЪ ТОЖЕ, братецъ ты мой, ВЪ КРЕСТЯНСТВѢ КРОТОСТЬ ДА СМІРЕНІЕ РАЗВОДИТСЯ... Обойти ихъ начальству нельзя, ни подъ какимъ видомъ... Вотъ и имъ чинъ вышелъ...

— Выходить, куда ни кинь — все клинъ: учитель въ глазахъ...

— Да, окружили...

— Коли такъ, не ладно, какъ по всеѣмъ мѣстамъ эта обточка пойдетъ... Ты говоришь (знать въ газетахъ прочелъ), мужики вездѣ подмогу училищамъ дѣлаютъ... Пожалуй, начальство...

— Что?

— Затѣвнѣе произведетъ, хуже теперешняго будетъ....

— Вѣдь это такъ, выходитъ, дѣтей лучше дома попридержать — замѣтилъ другой.

— Придержать, братъ, ни къ чему, безъ пользы... Опять же вонъ бары, которы уже хлопчатъ, чтобъ начальство мужика принудило: нѣтъ, значить, твоего сына въ училищѣ — штрафъ, а не то — клоповникъ!... Придержать тутъ, пожалуй, держи, коли мощна толета, да чиловка по вкусу... По мнѣ, лучше пусть учатся!... Потому, какъ ни хитри, а наша будетъ!.. Вотъ ежели мы, мужики, зѣвать будемъ, сами оплошаемъ — обойдетъ, безпремѣнно обойдетъ.... Эхъ, день-то какой сегодня выдался!.. Палить... Не тянетъ-ли кого къ колодезю — испить больно охота?

Два парня пошли съ Максимомъ Иванычемъ.

IV

Вернувшись, опять усѣлись.

— А что, дядя Максимъ, спросить я тебя хочу: въ другихъ мѣстахъ, какъ это, мужики-то въ толкѣ берутъ себѣ: что и какъ? Идетъ это внушеніе?

— Какъ-же, какъ-же... Потому и сказываю: у начальства не выгоритъ, какъ ни хитри...

Не такъ давно привелось мнѣ книжку прочесть, такъ не большая... Изъ подъ носу, вишь-ты, у начальства стащили.... Записку написалъ прокуроръ одинъ, изъ Саратова: министр вѣлѣлъ... Въ секретѣ держали...

сказывается въ этой запискѣ, какъ на Руси внушеніе велось...

Помнишь: одни въ учителя шли, которы—въ писаря нашего брата на разумъ наставлятъ?... Какъ увидели они, что ни тутъ, ни тамъ стало не слободно, въ шею гонять: начальство, значить, пронохало... Ухитрились: на всякую выдумку, значить, свою придумали—просто рабочими подѣлались: одинъ — столяръ, другой — кузнецъ, бондарь.... Много лучше вышло.... Потому, когда ты учитель, дохтуръ, али просто баринъ — ты всегда на примѣтѣ, да и мужикъ тоже въ умѣ держитъ, спервоначалу-то: что, дескать, баринъ, а рѣчи — все за насъ, да за насъ?... Не привышенъ къ этому нашъ братъ! Извѣстно дѣло, опосля, долго-ль мало-ль, объявится, что у него шкура-то только, выходитъ, барская, а душа — крестьянская... Все-жъ время надо-тъ... А тутъ прямо: ты рабочій и онъ рабочій, пьетъ, ѣстъ вмѣстѣ, работа изъ рукъ не валится; видишь только — человѣкъ бывалый: за что возьмется, все — какъ на ладони: чисто, ясно!...

Вотъ и раскинулись они, вмѣстѣ съ другими, по разнымъ мѣстамъ... Въ запискѣ этой прокуроръ пишетъ: въ 37 губерніяхъ обозначилось: на заводахъ, на фабрикахъ, вездѣ, значить, проживали эдакіе люди: гдѣ — въ кузницѣ, гдѣ — на постояломъ дворѣ... Мастерскія были заведены: столярныя, ружейная, бондарная...

— Да какъ же это до начальства дошло?

— Разно. Гдѣ сами сплеховали: дѣло-то, вишь, въ новѣ — долго-ль хвостъ выставить?... А гдѣ — по доносу. Промежду нашимъ братомъ, чай знаешь, всякій народъ есть: одному умная рѣчь — въ прокъ, а другому... совѣстно и сказывать-то!... просто донести охота.. Донесли по начальству... Знамо, у него засверлило: тутъ обыскъ, тамъ — облава, наловили они эдакимъ манеромъ (прокуроръ-то пишетъ) 770 человѣкъ, да вретъ... тысячи двѣ нахватили съ горяча... Теперь ихъ

держатъ, больше года будетъ, мучать, пить - ѣсть не даютъ, уморили сколькихъ... Да все напрасно... Самъ прокуроръ пишетъ: какъ, говоритъ, не лови, а всего не раскопаешь!.. Вонъ, говоритъ, 53 человекъ сгинули, какъ въ воду ушли... Знамо, будутъ бороздить по старому!.. Да это што? Всѣхъ перелови — и то не остановить, потому гдѣ прививка-то эта сдѣлана, принялась, — мысль-то въ головѣ у мужика не залежится, самъ зачнетъ внушать на право, на лѣво... Изъ мужиковъ пойдутъ теперича внушители-то эти!.. Ну, а нашего брата не скоро словишь: конокрады — ужъ на што? — и тѣ себѣ укрывательство имѣютъ, а мы — за народъ, да чтобъ насъ?.. На-ка, выкуси!..

— Правда, правда! загалдѣли парни...

— Разъ червь этотъ залѣзъ въ голову — проточить, мужикъ увидитъ, до всего дойдетъ... Теперь по всей Россіи внушеніе-то это... все дальше да больше, шибко распираетъ... А книжечъ, книжечъ!.. Прокуроръ пишетъ такое мѣсто — страхъ!.. Въ Москвѣ типографія своя была, склады были заведены въ разныхъ мѣстахъ...

— И неужто, Максимъ Ивановичъ, теперь все это порѣшили, начальство захватило?

— Гдѣ ему! Въ одномъ мѣстѣ заткнетъ, въ другомъ прорветъ, пуще прежняго... Одно слово, игра!.. Да такая, что у него умъ за разумъ заходитъ... Одну книжку разыщеть, а за мѣсто нея, глядишь три новыхъ выпустятъ: снова лови!.. Тамъ услышитъ — мужики читаютъ, бросится... Ищетъ, ищетъ, ну, думаетъ — шабашъ!.. Анъ подъ самымъ носомъ опять, да не мужики, а солдаты... лежатъ себѣ въ казармѣ да почитываютъ... Просто вздохнуть не даютъ!

Недавно што было!.. Въ Питерѣ, въ московскомъ полку нашли „Хитрую Механику“ — сичасъ того, другаго солдата на допросъ: какъ, что?.. Пошло... засадили... Судить собираются: „Покажемъ, молъ, мы вамъ, какъ

книжки давать: много, молъ, для вашего брата мѣста на каторгѣ!..“

Пока это, братецъ ты мой, сидѣли, гадали, затычку эту придумывали... смотришь, въ Одессѣ, хлопъ — опять! Да какъ? По всѣмъ войскамъ!.. Вотъ было хлопотъ ихъ благородію!.. Забѣгали туда, сюда, шинели вывертываютъ, рукава трясутъ... Не знаю, со страху аль съ чего, только надумали дѣло-то съ солдатами московскаго полка скорѣй прикончить... Судъ нарядили... Хорошо. Мастерятъ въ сенатѣ судьи праведные, какъ бы по совѣсти, по закону, значить, студента Дьякова (главный онъ тутъ) каторжникомъ на десять лѣтъ... А въ Красномъ Селѣ, въ лагерѣ, опять прорвало: затыкай, молъ, ваше благородіе, пошевеливайся!..

Просто оно теперь не знаетъ, что и дѣлать...

Трусить — ухъ какъ!

Объ училищахъ-то я сказывалъ, какъ оно съ малыхъ лѣтъ думаетъ мужика во тьмѣ вести... А теперича еще вышло...

Николай Николаевичъ, великій князь... Вотъ бы, братцы, его въ пастухи къ намъ въ деревню, на што бы лучше!.. Вотъ онъ-то... И глупъ же онъ; такъ глупъ (лапошники мнѣ въ Питерѣ, въ театрѣ, сказывали)... чистый дуракъ!.. отдалъ онъ приказъ по всѣмъ войскамъ питерскимъ, пишетъ:

„Теперича, говоритъ, грамотность пошла, и солдаты книжки читать... Дошло, говоритъ, до слуха моего: попадаютъ, вишь, книжки непотребныя, народъ совращаютъ и солдатъ прихватываютъ... Вотъ вамъ, говоритъ, командиры, мой приказъ княжескій (дуракъ! чистый дуракъ!) — обыскать, говоритъ, всѣхъ солдатъ, и которы книжки хороши, съ мракомъ — мѣтить своимъ подписомъ, а безъ подписа чтобы ни одной книжкѣ ходу не было, и ежели, говоритъ, солдатъ кушитъ книгу на сторонѣ — сичасъ обнюхать и тоже — мѣтку! Смотрѣть, говоритъ, строго!..“

Въ Одессѣ опять ни дать ни взять такой же приказъ вышелъ.

А въ Красномъ Селѣ... нѣтъ, каковъ страхъ-то!... запретили въ лагерѣ книжки продавать вовсе...

— Вотъ это ловко!

— Сумѣваютъ: не ровень часъ, дескать, разнощикъ-то тоже мужикъ, нѣтъ-нѣтъ да и всучить вмѣстѣ съ „Бовой“ либо „Механику“, либо „Мудрицу“... мудренъ больно народъ сталъ нынче!...

А пуще всего охота ему внушителей-то этихъ перевести... Какіе оно имъ огороды городить, ловушки мастерить... и, боже мой!

Этто надумало на нашего брата хозяевъ науськать, словно самимъ-то хозяевамъ не въ домекъ, что мы имъ не больно въ пользу... Тихо да ласково отдало, братецъ ты мой, приказъ заводчикамъ и фабрикантамъ—самимъ, вишь, присматривать за рабочими, чтобы, выходятъ, между ними эдакій не выискался... А ежели, говорить, который хозяинъ проглядитъ, внушение у него заведется — не взыщи, говорить, — безъ правъ, и заводъ твой — къ шаху!... Да чего? Мужиковъ тоже наровить на дыбки поставить...

Распустило, вишь, по деревнямъ жандармовъ, чтобы, выходятъ, разноживали: гдѣ, што, а мужикамъ этихъ внушителей—просто хуже грязи выставить!...

Со мной одна во какой случай былъ. Ъду я нынѣ, по зимѣ, въ городъ... Савраска уставать сталъ: Пурга была... Дай, думаю, приверну къ трактиру въ Жихаревкѣ, — все вздохнетъ малость... Подъѣзжаю... У колоды, смотрю, лошадей пятокъ еще: порожнякъ изъ города... Взошелъ въ трактиръ, съ морозу-то захотѣлось согрѣться, заказалъ себѣ пару... Пью... А насупротивъ меня, за столомъ, еще шестеро, тоже пьютъ... Одинъ-то, вижу, мужикъ не мужикъ, въ чуйкѣ, на солдата больно ужъ похожъ...

— Это жандаръ!

— Нѣтъ, ты слушай, что дальше было... Пью... Только одинъ мужикъ и спрашиваетъ:

„Слышь, чуйка, говоритъ: и давно это завелось?“

„Давно, — говоритъ: года четыре будетъ“.

Про што, — думаю, — говорятъ?... Жду...

„И много ихъ?“ — Опять тотъ-же спрашиваетъ.

„Много, — говоритъ: теперь, говоритъ, тысячи двѣ наловили“.

Про што — думаю... Не утерпѣлъ да и спрашиваю:

— Кого, говорю, словили?

„Да, вишь, говоритъ мнѣ тотъ-же мужикъ: сказываетъ — бары нынѣ въ учителя идутъ, а которы въ рабочіе... народъ мутить... Бунтъ, вишь, хотятъ сдѣлать противъ царя...“

„Да вотъ сказываетъ, заговорилъ—тотъ-же мужикъ: въ газетахъ есть — ловить намъ велѣно да представлять ихъ по начальству...“

Тутъ я прикинулся.

— Видно, говорю, въ газетахъ разное пишутъ...

„А што?“

— Да то!... Баръ... царь просилъ за учителями приглядывать — это точно, а чтобы мужиковъ... читать не приводилось...

„Да ты это въ какой газетѣ читалъ?“ — вскочилъ тутъ чуйка.

— Въ казенной, у старшины у нашего бралъ...

„Ну, это ты врешь!“

— Нѣтъ не вру... Тамъ такъ и прописано, что царь зоветъ дворянъ въ сторожа.

„Врешь!“

— Заладилъ: врешь да врешь! говорю я: самъ раскинь умомъ! —

„Что мнѣ раскидывать-то?“

— Да то! учителя учать противъ баръ идти, противъ царя — кому-же сторожить? Знамо, барамъ!...

— „И онъ сказываетъ: учать противъ баръ... По-

жалуй што, по твоему-то, вѣрнѣ будетъ...“ — сказалъ тотъ-же мужикъ...

Видю, перекосило моего чуйку.

Мужики-то стали за чай расплачиваться... Собрались... Уѣхали... А чуйка все сидитъ... Сталъ и я собираться.. Вышелъ на улицу, подвизалъ лошадь, сажусь, а чуйка тутъ какъ тутъ... Стоитъ...

„Ты, говорить, любезный, откудова?“

— Изъ Чудова!

Стегнулъ савраску, и былъ таковъ...

— Ловко!

— А то въ Саратовѣ съ однимъ пріятелемъ тоже случай былъ... Жилъ онъ, по лѣту, въ слесаряхъ тамъ. Вотъ одна, вечеромъ отработали, пошелъ онъ съ товарищами... эдакій кабацшк тамъ есть не раженькій... Вздохнуть захотѣлось... Близко десяти было... Только входитъ солдатъ, и на ухо что-то кабатчику... А кабатчикъ: „Ну, васъ!—говоритъ: повадились кажинный день!“

— „Сдѣлай милость!“ — говоритъ солдатъ.

„Дашь, а потомъ опять подноси!“

Сердится кабатчикъ.

Однако, видятъ, налилъ стаканчикъ, поднесъ... Ушелъ солдатъ... Пріятель-то мой и спрашиваетъ:

— Что, молъ, это — къ чему онъ?

„Да вотъ, говорить: кажинный день зачастили... Просто, говорить, весь народъ отбили: хошь, не торгуй вовсе!.. То жандармы, то приставъ съ своими... Снуютъ, снуютъ дьяволы — прости Господи!“

— Разъ што вышло? —

„Чего вышло, говорить... Жандармъ сказывалъ: студенты, вишь, да семинаристы сапожную завели и книжки, говорить противъ начальства... таперича вотъ ищутъ: убѣгли которы... Просто, говорить, спокою нѣтъ!“

Пріятель-то мой смекнулъ, въ чемъ дѣло... Разговорились они съ кабатчикомъ... Потомъ онъ его и спрашиваетъ:

— А еще што слышно... про этихъ-то?

„Сказывалъ, говорить, жандармъ-отъ, что законъ новый имъ не по губѣ пришелся: въ солдаты не охота, такъ вотъ и мутятъ... Царя, сказывалъ, хотятъ извести...“

— Да не вретъ-ли, молъ?

„Кто его знаетъ; говорить: правда!“

— Словно закономъ-то ни студентъ, ни семинаристъ не обижены...

А у прилавка... тоже гость, мѣщанинъ... выпимши...

— „Это ты намъ не сказывай! говорить: Законы-то эти мы тонко понимаемъ...“

Извѣстно дѣло: пьяный...

Пріятель мой и спрашиваетъ:

— А какъ по закону?

— Да такъ!... Нонче всѣ равны... Ты служи и я, говорить, служи...

Попытывается.

— Я да ты — вѣрно, а дальше?

— Дальше?... И семинаръ... и выше... всѣмъ одна цѣна!

— Разцѣнка твоя не-што! говорить мой пріятель: да по закону не такъ выходитъ....

Извѣстно, не пьяному: пьяному чего сказывать...

А тутъ народъ окромя, и кабатчикъ тоже...

— Ежели ты изъ кутейниковъ, говорить: курсъ кончилъ, годъ тебѣ льготы, а тамъ — псаломщикъ, и службы ни какой!...

— Это по закону такъ?—спрашиваетъ кабатчикъ.

— По закону.

— Кабатчикъ-то, знать, темный, какъ и мы же? замѣтилъ Николай Алексѣичъ.

— А студентъ ежели, говорить мой пріятель: какая тебѣ служба?... Учитель? — такъ учитель и есть... Дохтуръ? — опять безъ перемѣны, а ежели просто, безъ мѣста, говорить: шесть мѣсяцевъ на вольныхъ

правахъ — живи, гдѣ хочешь, тебя же спрашиваютъ: „какъ прикажете?“... Вотъ тебѣ и вся служба!

„Да я, признаться, не больно его и слушалъ, говоритъ кабатчикъ: очень ужъ надоѣли проклятые... Кажинный день шатаются, просто, говоритъ, покупателя отъучили!“

Вотъ эдакимъ-то манеромъ и наровить начальство опозорить, что ни есть хуже выставить нашихъ внушителей: „мужикъ, молъ, глупъ, ври безъ опаски — все съѣстъ; самъ же, молъ, намъ ихъ рукой предоставитъ опосля...“

— Предоставитъ, надѣйся!...

— Вѣрно, расчетъ эдакій ведетъ...

— Расчитывай!...

— Ну, окромя того, вѣстимо, очи да уши свои протереть изволи: становымъ, значить, да исправникамъ предписание вышло: смотрѣть въ оба!

— Не обозначится-ли?

— Да, изъ мужиковъ кто не станетъ-ли правды сказывать... А чтобъ надзоръ этотъ — въ аккуратѣ, хотятъ, вишь, полицію эту въ передѣлку...

— Это какъ въ передѣлку?

— Видишь ли, говоритъ Максимъ Ивановичъ, теперича въ уѣздѣ полицейскіе — кто? Соцкіе да разсылные служатъ... У исправника соцкій подъ началомъ, и становымъ — они же прислуживаютъ... Сейчас надо-тъ приказъ старшинѣ, либо старостѣ — кому нести? Соцкій... Мужика-ли въ станъ — иди; набушевалъ-ли кто, али провинился въ чемъ — опять соцкій... Соцкій и вяжетъ и тащить, и вину какую раскрыть — онъ-же... Одно слово, разгонъ имъ очень великъ... А выбираемъ ихъ мы, и жалованье тоже отъ насъ идетъ... Первое дѣло, значить, соцкій — нашъ-же, изъ мужиковъ... въ какомъ дѣлѣ тебя и выгородить можетъ... И опять же слушаться не больно привыченъ... Слушать-то, выходитъ, выслушаетъ, а потомъ: „въ понятіе, говоритъ, не взялъ, ваше благородіе!“ Дуракомъ прикинется... Ну, и пѣшкомъ,

скоро-ли приказъ дойдетъ?... Опять-же въ эдакихъ дѣлахъ: на счетъ книжекъ, внушенія, ослушательства тоже, — противъ начальства можетъ: „Вотъ, молъ, вамъ, робята, становой приказъ прислалъ на сигарки, а „Механику“ прочтите!“ Всяко бываетъ. Тоже оповѣстить воленъ: „Становой, молъ, допытывается: какъ? што?...“ Былое дѣло! Отъ эдакой полиціи, значить, многого не жди: въ страхѣ да въ смиреніи мужика не произведетъ... Вотъ начальство и думаетъ стражу завести, стражниковъ конныхъ и пѣшихъ, съ ружьями, — чтобъ, выходитъ, завсегда подъ рукой у станового, аль исправника команда была, своя...

— Легкая кавалерія! засмѣлся я.

— Кавалерія и пѣхота! говоритъ Максимъ Ивановичъ: 19.000 хотятъ заготовить... А нанимать, пишутъ, изъ отставныхъ: они народъ окруженный, привычны къ приказу... Тебѣ бы стражникомъ, смѣется: внушителей ловить... Ну, и жалованье имъ отъ казны, изъ нашего кармана: старшимъ — болѣ, а младшимъ — менѣ... Тебя въ старшіе за вѣрную службу!

— Верхомъ!

— Съ пиломъ....

Съозорничали парни.

— Ужъ передѣлка-то эта заводится, — говоритъ Максимъ Ивановичъ — съ Нижняго зачалась... Бывало, тамъ казаковъ наряжали въ ярманку, а нонѣ отмѣнили... Замѣсто казаковъ (вышелъ приказъ) полицію эту завести... Приглядывать ужъ она теперича будетъ... А отойдетъ ярмонка — стражниковъ въ уѣздѣ. Исправнику сказано: „можешь, значить, и въ хвостъ, и въ гриву, какъ угодно!“

— И въ другихъ мѣстахъ, чать, не замедлятъ?

— Полагать надо-тъ, введутъ по скорости...

И будетъ, братецъ ты мой, по уѣзду стража, полиція!.. Кто вскачь, а кто — тихо да благородно, по солдачки!... Не знамо куда и дѣться тогда нашему брату!... Эхъ,

робята, робята... Пойдемте-ка съ горя! — всталъ тутъ Максимъ Ивановичъ, — поѣсть что-то охота...

— Да, время! сказалъ Николай Алексѣвичъ.

Стали подниматьея, пошли... А Николай Алексѣвичъ идетъ да головой покачиваетъ...

— Вотъ, говорить: простота-то наша!... Платишь, платишь... А къ чему?... Да, темный мы народъ!... Свой же братъ къ смиренію приучаетъ... Вотъ-ты и поди!...

— А какъ плачетъ-то, какъ идетъ въ солдаты!... Да, пауки!... Вокругъ морочать... Училища развели... Шельмовство одно!... Отъ попа, гляди, и то страхъ заводится... Становой... Стражники... Да!... Все, вишь, чтобъ народъ тишѣлъ!... И тишѣтъ!... Простота-то наша...

— Одно забылъ — чиновниковъ!... Вотъ, робята, закутимъ, да пойдемъ въ Слезкино на гулянье, говоритъ Максимъ Ивановичъ: тамъ народу!... День-то хорошъ больно выдало сегодня: гулянье, надо полагать, большое... Дорогой-то я вамъ выверну и ихъ на изнанку!...

— Выверни, выверни!

— И ихъ къ числу.

— Приточай, Максимъ Ивановичъ!...

V

Перекусимши маненько, и я увязался съ парнями. Вышли изъ деревни, глядь — за загородами Николай Алексѣвичъ трухъ-трухъ, съ батожкомъ пробирается...

— И ты съ нами?

— Не што... Проводить охота...

— Али думаешь: одни-то съ чиновниками не управимся?

— Смѣйся... Тоже внушеніе-то это у насъ въ новѣ: любо вѣдь...

— Пойдемъ, пойдемъ... Я какъ... Самъ слово-другое когда пустишь въ народъ: на всѣхъ разойдется по ма-

лости... Да, чиновнички, Николай Алексѣвичъ! Забывать намъ это крапивное сѣмя не пригодится... И не даромъ прозвали ихъ сѣмя крапивное! ГЛУШАТЪ ОНИ, батюшка, ГЛУШАТЪ ВОЛЮ ВЪ НАРОДѢ — КРАПИВА ЧИСТАЯ.

— Больно ужъ много ихъ...

— Да и нельзя иначе... Мы, народъ, — одна сторона, а тамъ царь да бары съ купцами — другая!... Что мы?... плательщики... А они — правители, безпечальный народъ... Надо-тъ имъ про насъ законы выдумать, а законъ-то дѣло не легкое: скоро-ль придумаешь, чтобъ какую статью ни возьми — одинъ бы толкъ былъ: „деньги, молъ, намъ, а вамъ — жить смирно!“ Тутъ трудиться, народу не мало надо-тъ, а потомъ — блюсти... чтобъ мужикъ все по статьѣ, съ разрѣшенія... Безъ разрѣшенія-то много-ль тебѣ ходу дано?...

— Утѣснительно, больно утѣснительно!...

— Построиться захочешь — по охотѣ нельзя, не даютъ: „спросись!“ говорятъ...

— Да, бѣги по начальству: сколько аршинъ, значитъ, проулокъ прикажутъ...

— Магазины опять...

— Чего кажись!

— И хлѣбъ нашъ, сами кладемъ... нѣтъ, не даютъ...

— Разрѣшеніе, разрѣшеніе!

— Одно слово, за что ни возьмись — ни въ чемъ воли нѣтъ: жениться — по закону; на заработокъ идешь — опять законъ... Все по статьѣ, по уставу!... Во всѣхъ это дѣлахъ ты видишь законъ: на сходѣ, въ волости... Куды ни обернись — вездѣ чиновникъ! Чистая прорва! Чиновникъ на чиновникѣ сидитъ, и все, вишь, законъ блюдетъ...

И сдѣлали, приучили, братецъ ты мой, самъ мужикъ теперича толкуетъ: „я на тебя, говоритъ, законъ найду!“ Малымъ робенкомъ сталъ...

— Выпестали...

— Волю-то всю въ тебѣ отшибли...

— Заглушило крапивное сѣмя!

— А имъ вольно, спокойно...

И что они только дѣлаютъ промежду собой и надъ нами — уму не постижимо!.. Взятки, грабежъ... чистый вертепъ!.. Охальничаютъ какъ — страху подобно!.. Сами баре, что поумнѣе, и тѣ говорятъ: „Ужъ это, говорятъ, ни къ чему!“ Смотрико-сь, къ примѣру, губернаторъ въ пяти мѣстахъ засѣдаетъ и вездѣ, вишь, главный... Случится дѣло какое, — такъ — што ни есть, хошь тюрьму починить (починки-то у нихъ частыя), — вотъ онъ и строчить въ одно присутствіе — у себя денегъ просить, а изъ другаго — отвѣтъ: себѣ-же разрѣшеніе — понимаешь?.. Охальству — конца не видать!.. Сами, сказываю, баре пристыжаютъ...

Да наровятъ еще все дальше да дальше: закономъ-отъ этимъ да судомъ донять — ты чтобъ: ни гу-гу, „а мы, молъ, будемъ на свободѣ свои дѣлишки обстраивать...“

— А какъ же теперь, Максимъ Ивановичъ, эти окружные суды пошли, мужика судить позвали...

— На этихъ-то судахъ и видать правду!..

Завелъ ихъ царь... Отставать, вишь, не охота была, въ чужихъ земляхъ есть эти суды съ присяжными, — ну, и захотѣлъ: „заведу, значить, у себя... Завелъ судъ скорый и праведный...“

— И попъ онамнѣя тоже, вычитывалъ... въ проповѣди было: „судъ — читалъ — скорый и праведный царь пожаловалъ...“

— Пожаловалъ!.. И вѣрное слово: скорый! Потому теперича не замедлять тебя ни въ острогъ, ни въ каторгу: судъ скорый!.. А чтобъ — праведный — и это точно: праведный...

— Какъ?

— Да правда-то нонче гдѣ? Начальство говорить: „въ законѣ!“... А судятъ — по закону, — выходить, и судъ праведный!..

А что мужиковъ позвали, такъ теперича — будетъ баловаться: не позовутъ...

— Ну?

— Вѣрно, не позовутъ... Увидали баре, что мужикъ на судѣ... (Какъ ни опутываютъ, все, вишь, разумъ-отъ не весь выжали изъ него) ... на судѣ, нѣтъ-нѣтъ да и скажетъ своему брату: „не виновенъ“....

Да и какъ ни сказать самъ посуди!

Жизнь мужицкая вся въ глазахъ...

Проворовался ежели — кто виноватъ, самъ что-ль? Сами знаемъ, што — хорошо, што — худо: поговорку-то „грѣхъ воровать, а иногда не миновать“ не бары, чай, сложили, — наша, мужицкая!.. Воровать-то никому не охота... а не минешь: и голодно-то, и холодно, дѣтокъ кормить нечѣмъ... што подѣлаешь?...

— По мнѣ-бы, по солдацки, какъ кто попался изъ насъ, сичасъ — барина, какой подъ руку, либо чиновника — лупить!

„Отъ вашего, молъ, брата намъ тошнѣхонько-то становится... Лупи!...“

— Да, обобрали крутомъ: податями прямыми, кривыми, солдатчиной доняли...

— Изъ-за нихъ ѣсть нечего!...

— Обездолили!... А потомъ, грѣхъ-отъ выдеть — судить, острогъ, каторга!...

Вотъ увидали они, што присяжные, изъ мужиковъ которы, въ толкъ-отъ берутъ... давай кричать: „съ эдакимъ судомъ мошенникамъ разводъ одинъ, больше ничего: всяку, молъ, вину прощаютъ... Чаво добраго, ослушательство супротивъ начальства, али вину противъ насъ — на все, значить, — „не виновенъ“.... И подвели!.. Начальство надумало...

— Отмѣнить?

— На прямикъ-отъ еще нѣтъ, а вышло: выдумку подвело...

Въ присяжные-то крестьянъ назначали, чай, знаешь...

—земство! Въстимо дѣло, всякій мужикъ понадался: съ достаткомъ наклеывался, а все больше нашъ братъ: въ штанахъ безъ штановъ, въ рубахъ безъ рубахи, значить... Ну, служба-то эта, выходитъ, не больно была намъ въ пользу. Потому выдетъ тебѣ приказъ — въ городъ, въ присяжные — работу свою, знамо, надо-тъ въ сторону, опять же въ городъ — харчи и все такое... дома-то не много накоплено!.. Вотъ и стали присяжные въ коихъ мѣстахъ просить у земства, нельзя-ли какъ деньжонокъ, когда случится...

— Въ судъ-отъ ѣхать?

— Да! Земства-то которы—хлопотать! (Въ законѣ-то, вишь, этого не было: можно, аль нѣтъ присяжнымъ на харчи?) Начальство и обрадовалось...

„Чего, молъ, лучше? Можно, молъ, этихъ мужиковъ изъ судовъ вовсе похѣрить... (Разъ сбрендили, въ другой не оплошаемъ). Министры и отписали:

„Чего, говорятъ, вы хлопчете, господа дворяне? Въ присяжные нужны люди надежные, съ капиталцемъ, а голыши — разъ што могутъ: они противъ закона съ начальствомъ... Какіе-жъ, молъ, они судьи?“ Такъ и пишутъ: „Вы властны, говорятъ, присяжныхъ въ списки вносить: кто бѣденъ — къ лѣшему, а богатаго — слѣдъ, будемъ очень довольны... Смѣтка-то, молъ, у васъ гдѣ?“

Теперича, знамо, тебя въ присяжные не выберутъ...

А гдѣ попадешь по оплошки ежели — горя натерпишься и срама не минешь... Вонъ въ Одессѣ, въ маѣ мѣсяцѣ, не знаю какъ, а только въ судъ попали мужики... Дѣла-то позатынули въ судъ...

— Въ скоромъ-отъ!

— Все, што было, проѣли. А одинъ изловчился, домой сбѣгалъ за 90 верстъ (на два дня, вишь, судбище-то было отложено), хлѣба принесъ. Опять проѣли. Такъ ужъ подошло: ни на харчи, ни на ночлегъ — ни гроша: чисто! Что дѣлать? Съ указами-то министровъ, на грѣхъ, знакомства водить не водили!... Надумали...

„Ваше превосходительство! (Къ самому, значить, председателю пошли)... ѣсть нечего, приюта не имѣемъ...“

— Што-жъ онъ?

— „По закону — говоритъ — васъ кормить не велѣно!“ — вотъ што!.. „А вотъ, говоритъ, вамъ отъ насъ 65 рублей: примите Христа ради!“ Любо-ли?...

— Такъ теперича эти суды безъ мужиковъ пойдутъ?

— Самъ видишь, какой же тутъ мужикъ, коли богатыхъ велѣно въ присяжные... безъ мужиковъ!

— Да! И мировые-то вѣдь все баре.

— Богатые!

— Какъ-же иначе? „Сытый голоднаго не разумѣетъ“ — давно всѣмъ вѣдомо...

А у мировыхъ все больше голодный съ сытымъ судятся: рабочій съ хозяиномъ, мужикъ съ бариномъ, а не то по простотѣ-то, кому на умъ взбредетъ на становаго или исправника законъ искать... Тутъ бѣднаго не поставишь... Всяко дѣло бываетъ...

Вонъ (въ газетѣ вечеръ вычиталъ) у мирового, въ Питерѣ... Жила, вишь, въ услуженіи у аблакаты баба, такъ изъ деревни... У господъ, самъ знаешь, какая служба: подотри, вынеси, а за все грошъ мѣдный да бранное слово... Ну, рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человекъ — гдѣ лучше: расчетъ стала просить (другое, значить, мѣсто вышло). Аблакаты-то (тоже—крючекъ судейскій!) осерчалъ... Пришла на мѣсто, а тамъ хозяйинъ-то и говоритъ:

„Что-же, говоритъ, у тебя въ билетѣ не прописано, аттестаціи нѣтъ? Ты, говоритъ, у кого служила?“

— „У аблакаты, батюшка, у Рихтера“... говоритъ...

— Ну, вотъ! Аттестацию надо-тъ: хорошо, али худо, значить, ты у него прислуживала!.. Не прописано!

— Я, говоритъ, батюшка, не грамотная, принесу...

Пошла.

Аблакаты-то вышелъ:

„Чего тебѣ?“ спрашиваетъ.
— Аттестацию! говорить: нельзя-ли какъ потрудиться вашей милости...

„Аттестацию?“

— Да, батюшка.

Послалъ за городовыми...

— „Ей — говорить — аттестацию — сведите ее въ часть!“

Потасили бабу.

Та и въ толкъ себѣ не возьметъ: за што? въ чемъ вина вышла?

— Пойдите, говорить, любезные; я сама могу идти-тъ.

Упирается.

А они ее — бацъ, бацъ: избили!..

Высидѣла въ кутузкѣ, ни за што, ни про што, четыре дня... Вышла... А мѣста ужъ нѣтъ — какъ нѣтъ: прогуляла... Что дѣлать? Надоумилъ-ли кто, али сама (можетъ, у мужиковъ въ деревнѣ привычку взяла): „я, молъ, на тебя, аблакаты, законъ найду!“ Мировому — просьбу... И нашла, дура, у кого защиту искать!... Судья-то, знамо, далъ знать аблакату, а тотъ не будь глупъ (не даромъ въ судѣ служить) полицейскаго науськалъ... Баба-то прошение судѣ, а они на нее — актъ: „въ кухнѣ, молъ, слышали, какъ она аблакаты честила“...

И вышло: съ нея-же два рубля — штрафъ!

— Озорство какое!

— Какое озорство! на то онъ МИРОВОЙ. И ОТЪ НЕГО, ПО ЗАКОНУ, ДОЛЖЕНЪ МИРЪ ДА СМЕРЕНИЕ ВЪ МУЖИКЪ ВЕСТИСЬ!.. А какъ его сдѣлаешь?... Вотъ онъ и гнетъ, завсегда чтобъ богатый былъ въ правѣ, а ты виноватъ... Застрачиваетъ...

— Съ сильнымъ не борись съ богатымъ — не судись!

— Таперича смекаешь: почему бѣднаго нельзя въ мировые зачислить?... Бѣдный бѣдному свой братъ: отъ

него начальству барышъ будетъ плохъ!... Назначь-ка нашего брата въ судьи, ихъ благородія судить — какой порядокъ пойдетъ?..

Вонъ, въ Калужской губерніи исправникъ... (И угрозадитъ-же чортъ!)... Надумалъ, братецъ ты мой, недоимку собирать: ѣдетъ въ уѣздъ, а съ собой — пукъ розогъ... Розги-то што — обыкновенное дѣло, а онъ — кадку меду... и возить по уѣзду... Сичасъ, ежели за тобой недоимка, платить ты не исправень...

— Медомъ подшугуетъ?

— Да, разложить тебя, добра молодца, въ медъ-отъ окунетъ розги — и отсчитываетъ...

— Ахъ, сукинъ сынъ!

— Отдеретъ, мѣдомъ вымажетъ, а потомъ — и недоимку-то ты отдашь, да и за мѣдъ-отъ съ тебя-же взыщеть... Каковъ распорядокъ завелъ?..

— И не отлупять!

— Ну, вотъ эдакого ежели на судъ къ намъ — что-бы тутъ?... А теперича — все съ рукъ сходить... Сунься-ка ты къ мировому, законъ на него искать — такую тебѣ статью изыщутъ — снова отдерутъ, да мѣдомъ смажутъ...

— Что ужъ тутъ: гдѣ правду найти!.. ВИДИМЪ, ЧТО СУДЪ БАРСКІЙ, КУПЕЧЕСКІЙ!..

Не утерпѣлъ я.

— Хорошо, кабы эдакъ-чи всякій мужикъ понималъ... А то вотъ, въ нашей-то округѣ... и идетъ кто: все думаетъ „авось“...

— Съ начальства надо-бы примѣръ брать...

— Да, оно на „авось“ не живетъ...

Смотрико-сь, какъ царь-отъ дѣла-то свои тонко понимаетъ!..

Слышалъ-ли: въ ноябрѣ мѣсяцѣ праздникъ затѣяли эти всѣ: прокуроры да аблакаты, мировые... Съ радости, значить: 10 лѣтъ, вишь, прошло, какъ царь далъ новый судъ-отъ, десять лѣтъ прошло — а онъ все дер-

жится: сами дивятся!... Шутка-ль, въ заправду: 10 лѣтъ надъ мужикомъ озорство чинять по новому — и все, какъ съ гуся вода!.. Какъ не веселиться?.. Празднество себѣ и задали!...

Пошли пиры въ Питерѣ.... Пьютъ, ѣдятъ, другъ дружку хвалить зачали: „я, дескать, ловокъ статьи-то передергивать, а ты — не въ примѣръ!..“ Такое пьянство — дымъ коромысломъ!.. А царь по этому случаю бумагу — внушеньище махонькое, значить....

„Хорошо-то вы, хорошо — говоритъ — свои дѣла ведете — это точно, а впредь прошу — чище, потому, говоритъ, времена нонѣ не тѣ... (Внушитель-то его теперича шибко мутить.) Охраняйте, молъ, охраняйте — чтобы все въ аккуратѣ: виды-то мои не вамъ, чай, сказывать!...“

Видишь, какъ тонко понимаетъ: знаетъ, гдѣ подстегнуть коренника!...

— Да!

— И везетъ троечка, ничего себѣ, не сшибается!... Въ корню — чиновники, а въ пристяжкѣ — полиція да поны!...

— На отлѣгъ!

— То однихъ подбодрить, то — другихъ, чтобъ не сдавали... „Эй! вы, молъ, милые, работай!“

А выдасца эдакое времячко жаркое, какъ теперича (Внушителямъ разводъ!), и баръ подтягиваютъ съ купечествомъ... То (давась я сказывалъ) царь кличъ кличетъ: „вѣрное, молъ, дворянство! въ сторожа пожалуй: время!“ А то министр...

— Этотъ што?

— Этотъ просто — „въ лазутчики: однимъ, говоритъ, не управиться!...“

— Развѣ было?

— Какже! Внушителей-то какъ наловили (тоже не мало, вѣдь: тысячи двѣ смаху нахватано было!), самъ-отъ испужался, да и слуги-то его тоже...

— Острастку, видно, ловкую задали!...

— Вотъ министръ, что всемъ судамъ голова, и пишетъ прокурору саратовскому...

— Что „Записку“-то написалъ?

— Да...

— Что жъ это — ему: ловокъ ништо?

— Ловокъ!... Много такихъ ловкачей въ хлѣвѣ у нашихъ свиней. — Какже! А просто этотъ Жихаревъ (фамилія ему такая) самого легкаго званья человекъ: и взятку возьметъ, и въ чужой домъ залѣзетъ; гдѣ — подслушать, высмотрѣть — все ему по душѣ, по вкусу... Другой-отъ эдакое дѣло вести ведетъ — ну, нѣтъ-нѣтъ, и совѣсть зазреть: оглянется... А этотъ...

— ПРОЖ-ЖОННЫЙ!...

— Мать родную за внушителя выдастъ, только рубль покажи, али орденомъ — мимо носа!... Одно слово, легкаго званья!..

Ему и припоручено (самъ царь, сказываютъ, велѣлъ), все дѣло разобрать приказано...

— Про внушителей?

— Да!... И министр-отъ ему, по этому самому, пишетъ.... А онъ чтобъ другимъ — въ извѣстность....

— Такъ што министр-отъ пишетъ?

— А пишетъ вотъ:

„Теперича какъ, говоритъ, внушитель этотъ сталъ плодиться оченно, и намъ, значить, начальству — хошь въ отставку: не управиться, — нельзя-ли, выходитъ, какъ благороднымъ дворянамъ и другимъ надежнымъ людямъ — объявку сдѣлать, чтобъ — въ лазутчики, сами чтобъ разнохивали: не потинетъ-ли гдѣ внушитель, по близости?.... А главное — чтобъ позорить... головы негдѣ было-бы преклонить имъ мерзавцамъ!... Мужика, вишь, хотятъ изъ бѣдности вывести! мошенники!...“

А прокуроръ этотъ и пошелъ — по всемъ чинамъ: слѣдователямъ, барамъ...

Вотъ эдакъ-то и идетъ у нихъ круговая: бары

подхлестываютъ начальство, начальство — баръ, чиновниковъ... Полиція, попъ... все въ кругу вертятся!

— Да!

— А что, Максимъ Ивановичъ, правда аль нѣтъ? Про внушителей (я слыхалъ), говорю: судъ особый?

— Эва! Знамо, особый!.. Разъ ихъ дадутъ окружнымъ судить, али палатамъ... Ты только вникни, говорить онъ мнѣ: внушитель чему учить? Правдѣ! А правда вся семь словъ: „БѢДНЫЙ БОГАТАГО КОРМИТЬ, А БОГАТЫЙ БѢДНАГО ГЛОЖЕТЪ!“...

Внушитель это тебѣ все расшибаетъ по мелочи, всю жизнь наизнанку вывертываетъ: гляди да вникай!.. Ну, извѣстно, какъ ни верти—все одно выдетъ: начальство, бары да купцы — враги наши были и есть... Какъ-же про внушителей особаго суда не имѣть!... Имѣется, имѣется!...

— Присяжнымъ довѣрія нѣтъ?

— Довѣрятъ! Никому не довѣрятъ, сами сходятся! Четыре сенатора — все генералы, предводителейъ двое, голова купеческій да волостной старшина — кулакъ изъ кулаковъ — вотъ каковъ судъ!...

— Все благородство!

— Безъ подмѣси!.. Ужъ вели-бы лучше дѣло на чистоту!.. Какъ попался ежели — на каторгу, безъ разговору!.. Одинъ конецъ — разѣ не видать? прямо видать!.. Нѣтъ — по благородному, плутовство все: соберутся, развалятся, очки протрутъ... „Какъ? што?“ допрашиваютъ... Комедь ломаютъ! А чего допрашивать: допрежъ все испробовали — то прокуроръ къ тебѣ лазалъ въ острогъ, то жандармъ... Благородство!

— А по мнѣ-бы, послать ихъ тутъ-же на судъ къ лѣшему!..

— И дѣлаютъ! Вонъ Дьяковъ-отъ — прямо: „Отвѣчать, говорить, не желаю!“ И другіе-то, что съ нимъ судились рабочіе, тоже дурачили...

— Дурачить, дурачить! такъ ихъ и надо-тъ!..

— А другихъ-отъ, Максимъ Ивановичъ, не слышно: скоро-ль будутъ судить, али... какъ тамъ?...

— Скоро — подождешь еще!.. Вотъ повытрясутъ душу, осовѣешь съ голоду да одиночества, еле-еле переступать станешь... тогда ужъ и эшафотъ!.. Дай наругаться до сыта!..

Осерчалъ тутъ Николай Алексѣичъ, шибко осерчалъ.

— Надругаться!.. Надругатели!... И скоро-ль это конецъ придетъ нашему горю?..

Съ лица измѣнился...

— Не жизнь — чистое мытарство!

Мы это на него смотримъ: просто изъ себя вышелъ.

— Какая жизнь — нищета, кабала горькая! Бары, начальство, купцы... тѣфу, окаянные!..

Насъ индо задоръ взялъ!

— Все радости себѣ, вишь... Дьяволы!... А мы мучься, пикнуть не смѣй... Сволочь проклятая!..

— Правда! Правда!

— Чиновникъ, попъ — глушители!.. крапива подлая!.. Кругомъ лазутчики, полиція!... Да долго-ль, долго-ль!..

Не стерпѣлъ тутъ, братцы, Максимъ Ивановичъ: бросился къ старику...

— Скоро, скоро, родной!

Обнимать зачалъ...

— Вотъ, ребята, какъ ежели такъ понимать будемъ — держись вороги!...

— Не долго — опять это къ старику — внушителей бы только болѣ!..

— Да какъ ни внушать... Разѣ...

Не договорилъ...

Просто, я вамъ скажу: у всѣхъ сердце ёкнуло, глядя на старика...

Долго шли молча... Никто слова не выронилъ... Идемъ...

Ужъ Слезкино стало — такъ сажень десятка два-три...

— Ну какъ, парни?... спросилъ Максимъ Ивановичъ. На всегда этотъ день въ памяти останется... Ви-

дать было: попали слова Максима Иваныча прямо въ сердце...

— Пойдетъ внушитель изъ народа, пойдетъ... скоро, Николай Алексѣичъ, скоро, родной мой!

Въ село вошли.

— Ну, говорю, Максимъ Иванычъ, — счастливо! можетъ въ гости къ кому зайдешь... Я ужъ такъ, малость побуду, да домой... не близко!...

— До увиданья! говоритъ.

Однако, братцы, вмѣстѣ случилось идти-тъ... Пришелъ я на гулянье, народу — страсть!... Парни разсыпались... А Максимъ Иванычъ, знай, похаживаетъ: съ однимъ поговорить, съ другимъ, смотрю, словомъ перекинется... Такъ это я до поздняго вечера и прошатался... Заночевать пришлось у Василя Петровича.

Ужъ коровъ пригнали... Темнѣть стало, какъ мы домой-отъ пошли... Парни, Николай Алексѣичъ, все какъ были въ сборѣ...

Такъ этотъ день въ памяти у меня и сказать не могу...

Шли, долго шли... У одного парня гармонія была...

— Дай-ко-съ! говоритъ Максимъ Иванычъ.

Заигралъ... Ловокъ! На все руки человѣкъ!.. Грустно таково выходить стало... Запѣлъ:

Не довольно-ли вѣчнаго горя?

Встанемъ, братья, повсюду заразы!

Отъ Днѣпра и до Бѣлаго моря,

И Поволжье, и дальній Кавказъ,

На воровъ, на собакъ — на богатыхъ!

Да на злаго ерису царя!

Бей, губи ихъ, злодѣевъ проклятыхъ!

Засвѣтись, лучшей жизни заря...

Вставай, подымайся, рабочій народъ!

Вставай на враговъ, братъ голодный!

Раздайся, крикъ мести народной...

Да какъ гаркнетъ: Впередъ!..

Пролетѣло по лѣсу...

— А ты, молъ, веселенькую! говорю ему.

— Веселенькую? Можно!

И пошелъ, пошелъ, съ переборомъ...

Долго-ль будемъ мы такъ жить,

Нашихъ вѣроговъ кормить?..

Соберемтесь-ка скорѣй,

Да на нихъ пойдемъ дружной...

Такъ дѣлишки поведемъ,

Что съ лица земли сотремъ

Баръ, начальниковъ, поповъ

И мошениковъ купцовъ!...

Тутъ все фабрики, заводы

Будутъ для всего народа...

Всей землей владѣть мы будемъ...

Нужду-горе позабудемъ!..

— Вотъ тебѣ и веселенькая! говоритъ.
Въ жизнь не забуду этотъ день!..

ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строчка.	Напечатано:	Надо:
7	25	прикину	накину
13	13	прозывали	прозвали
26	17	въ строку	въ сторону
27	6	хоняинъ	хозяинъ
35	27	читать	читаютъ
37	Послѣ 13 строки пропущено:		
— „Да! присталь тутъ чуйка: наровять по старому — царскую волю назадъ, мужики чтобъ крѣпостными были...“			
Вижу вретъ.			
— Что же начальство? Какъ? спрашиваю...			
42	10	науки	наука
„	15	закутимъ	закусимъ
„	30	я какъ	я такъ
43	2	пригодится	приходится
„	14	Тутъ трудиться	Тутъ потрудишься

газдался, крикъ мести народнои...

СКЛАДЪ ЧТЕНІЙ,

ИЗДАВАЕМЫХЪ ЧЛЕНАМИ КОММИССИИ

ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ОТДѢЛА МУЗЕЯ ПРИКЛАДН. ЗНАНІЙ,

НАХОДЯТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

- 1) у комиссіонера Военно-Учебныхъ заведеній Фену и Ко, въ
зд. Солинаго городка.
 - 2) въ книжномъ магазинѣ для иногородныхъ, Невскій пр. противъ
Думы.
- Книгопродавцамъ обычная уступка.

Находятся въ продажѣ слѣдующія чтенія:

	цѣна.
Святи. В. Г. Пѣвцова: О Св. Землѣ, 12 чтеніе, каждое по	5 к.
И. И. Шалфѣева: Царь Петръ Великій.	8 .
— Двѣнадцатый годъ	20 .
П. И. Рогова: О смутномъ времени на Руси.	8 .
— О татарскомъ погромѣ и о Св. Благовѣр- номъ кн. Александрѣ Ненскомъ, 2 чтенія .	15 .
А. В. Ганико: О китѣ.	5 .
Ө. А. Тарапыгина: Разказы бывалаго челоуѣка, 2 чтенія .	12 .
В. П. Коховскаго: О трудѣ и отдыхѣ	10 .
— Отцамъ и матерямъ о дѣтяхъ	10 .
А. И. Никелича: А. В. Кольцовъ.	10 .

Печатаются:

- Н. П. Животовскаго: О теплѣ и воздухѣ.
Н. В. Медера: О фигурѣ земли.
— Отчего происходитъ день и ночь и времена года?
П. А. Илинскаго: Отчего больше заболѣваютъ холерой? О нашихъ
жилищахъ. О пищѣ и питъѣ.
Святи. В. Г. Пѣвцова: Первые вѣка христіанства, 5 чтеній.
Е. Н. Вишнякова: О Кавказѣ.